Генералы песчаных карьеров

Автор:
Жоржи Амаду

Генералы песчаных карьеров

Жоржи Амаду

Азбука-бестселлер

Жоржи Амаду известен по всему миру как непревзойденный певец солнечной Бразилии. В его книгах смешались все мыслимые краски далекой жаркой страны, где круглые сутки звучит музыка, нищета ведет непрерывную войну с богатством, а благочестие уживается под одной крышей с самыми ужасными пороками. «Генералы песчаных карьеров» – роман особенный, пожалуй, самый необычный, яркий и знаменитый из всех произведений Амаду. В нем рассказана история банды беспризорников, ночующих на песчаных пляжах Баии. Они совершают дерзкие ограбления, скрываются от полиции и свято чтут неписаные законы дружбы.

Жоржи Амаду

Генералы песчаных карьеров

Jorge Amado

CAPIT?ES DA AREIA

Copyright © 2008, Grapi?na Produ??es Art?sticas Ltda

Published in Brazil by Editora Companhia das Letras, S?o Paulo

All rights reserved

©?А. Богдановский, перевод, 1992

©?Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018

Издательство АЗБУКА

***

Диккенс XXI века… Один из самых искусных писателей.

The Nation

Эпизоды, в которых «Генералы песчаных карьеров» оставляют в дураках сильных мира сего, достойны лучших страниц Генри Джеймса и Чарльза Диккенса.

Колм Тойбин

Амаду – самый прославленный и великий писатель Бразилии.

The New York Times

Амаду не только самый прославленный писатель в Бразилии, его волшебные книги любят по всему миру.

Newsweek

***

В 1971 году режиссером Холлом Бартлетом по роману Жоржа Амаду был снят культовый фильм «Генералы песчаных карьеров».

Письма в редакцию

Дети – граб?ители

РАЗНУЗДАННЫЕ ВЫХОДКИ «ГЕНЕРАЛОВ ПЕСЧАНЫХ КАРЬЕРОВ» – ДЕТИ, ПРОМЫШЛЯЮЩИЕ ГРАБЕЖОМ, ДЕРЖАТ В СТРАХЕ ВЕСЬ ГОРОД – НЕОБХОДИМО БЕЗОТЛАГАТЕЛЬНОЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВО ИНСПЕКЦИИ ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И НАЧАЛЬНИКА ПОЛИЦИИ – ВЧЕРА ПРОИЗОШЕЛ ЕЩЕ ОДИН НАЛЕТ.

Наша газета, неизменно стоящая на страже законных прав граждан Баии, уже неоднократно сообщала о преступной деятельности «Генералов песчаных карьеров», как именуют себя члены шайки, терроризирующей весь город. Эти подростки, в столь юном возрасте вступившие на мрачную стезю порока, не имеют постоянного местожительства, – по крайней мере, установить его не удалось, как не удалось и выяснить, где они прячут награбленное. В последнее время налеты происходят ежедневно, и это требует немедленного вмешательства Инспекции по делам несовершеннолетних и Управления полиции.

Как стало известно, численность банды превышает сто человек в возрасте от 8 до 16 лет. Все это дети, ставшие на преступный путь оттого, что их родители, позабыв о своем христианском долге, не занимались их воспитанием. Малолетние преступники называют себя «Генералы песчаных карьеров», потому что избрали своей штаб-квартирой песчаные отмели баиянского порта. Руководит ими четырнадцатилетний подросток, пользующийся самой дурной славой: за ним числятся не только грабежи, но и драки, повлекшие за собой тяжкие телесные повреждения. К сожалению, установить личность главаря пока

не удалось.

Необходимо срочное вмешательство Инспекции по делам несовершеннолетних и городской полиции для того, чтобы преступная деятельность банды, нарушающая покой жителей нашего города, была пресечена, а злоумышленники – отправлены в исправительные колонии или тюрьмы. Ниже мы помещаем репортаж о вчерашнем налете, жертвой которого стал почтенный коммерсант: ущерб, нанесенный его дому, превышает миллион рейсов. Кроме того, при попытке задержать главаря шайки малолетних преступников был ранен садовник.

В доме комендадора[1 - Комендадор – лицо, награжденное орденом; в Бразилии звание комендадора зачастую присваивалось или покупалось помещиками.] Жозе Феррейры

В центре Корредор-да-Витория, одного из фешенебельных кварталов нашего города, расположен особняк комендадора Жозе Феррейры, крупнейшего и пользующегося наибольшим доверием коммерсанта Баии. Его магазин помещается на улице Португалии. Выстроенный в колониальном стиле особняк, окруженный пышным садом, невольно привлекает к себе внимание и радует глаз. Вчера вечером дом Жозе Феррейры – эта обитель мира, покоя и честного труда – подверглась налету «Генералов песчаных карьеров» и в течение целого часа была объята неописуемым смятением.

В три часа дня, когда город изнемогал от зноя, садовник Рамиро заметил нескольких оборванных подростков, которые вертелись у ворот, и отогнал непрошеных гостей, после чего вернулся к выполнению своих обязанностей. Очень скоро начался…

Налет

Минут через пять Рамиро услышал доносившиеся из дома громкие крики – так могли кричать только люди, охваченные смертельным ужасом. Вооружившись серпом, Рамиро вбежал в дом, из окон которого «как черти» (по его собственному выражению) уже выскакивали мальчишки с украденными из столовой вещами. Горничная, истошно крича, хлопотала возле супруги

комендадора, лишившейся чувств от вполне понятного и простительного испуга. Рамиро поспешил в сад, где и произошла…

Драка

В саду же в это самое время одиннадцатилетний внук комендадора – прелестный Раул Феррейра, приехавший погостить к дедушке, – разговаривал с одним из злоумышленников, оказавшимся главарем шайки (это удалось установить потому, что на лице преступника имелся шрам). Невинный ребенок, не подозревая ничего дурного, весело беседовал со злодеем, в то время как шайка грабила его деда. Садовник бросился на грабителя, никак не ожидая, что тот окажет ему такое сопротивление и проявит столь незаурядную силу и ловкость. Схватив его, Рамиро тотчас получил удар ножом в плечо, потом в руку и вынужден был отпустить преступника.

Полиция была немедленно уведомлена о случившемся, однако до настоящего времени не смогла напасть на след шайки. Комендадор сообщил нашему репортеру, что понесенный им ущерб превышает миллион рейсов, поскольку одни только часы, похищенные у его супруги, стоят 900 крузейро.

Необходимы срочные меры

Обитатели аристократического квартала Корредор-да-Витория пребывают в сильнейшей тревоге, опасаясь стать новыми жертвами бандитов, поскольку налет на особняк комендадора Жозе Феррейры далеко не первое их преступление. Необходимо принять срочные меры для того, чтобы негодяи понесли примерное наказание, а покой самых видных семей Баии больше не нарушался. Мы надеемся, что начальник полиции и инспектор по делам несовершеннолетних сумеют обуздать малолетних, но многоопытных преступников.

«Устами младенца…»

Наш корреспондент побеседовал также и с Раулем Феррейрой. Как уже упоминалось, ему одиннадцать лет и он – один из лучших учеников коллежа Антонио Виейры. Раул выказал завидное мужество и сообщил нам о своем разговоре с главарем шайки следующее:

– Он сказал, что я – дурачок и понятия не имею о том, какие бывают интересные игры. А когда я сказал, что у меня есть велосипед и много разных игрушек, он засмеялся и ответил, что у него зато есть улица и порт. Он мне понравился, он прямо как из фильма: помните того мальчика, который убегает из дому на поиски приключений?

Его слова заставили нас задуматься над такой сложной и деликатной проблемой, как пагубное воздействие кинематографа на неокрепшие души. Эта проблема также заслуживает внимания господина инспектора по делам несовершеннолетних, и мы к ней собираемся вернуться еще раз.

(Репортаж, опубликованный в газете «Жорнал да Тарде» под рубрикой «полицейская хроника» вместе с фотографиями, изображающими особняк Жозе Феррейры и самого комендадора во время церемонии награждения его орденом.)

Письмо секретаря начальника полиции

в редакцию газеты «Жорнал да Тарде»

Уважаемый г-н редактор!

В связи с тем, что вчера в вечернем выпуске Вашей газеты были помещены материалы, касающиеся преступной деятельности шайки «Генералы песчаных карьеров», а также налета, совершенного ею на дом комендадора Жозе Феррейры, начальник полиции спешит уведомить Вас, что решение этой проблемы зависит в первую очередь от Инспекции по делам несовершеннолетних, а полиция может предпринять какие бы то ни было шаги лишь после того, как к ней обратятся из инспекции. Тем не менее будут незамедлительно приняты все меры, чтобы исключить в дальнейшем подобные

происшествия и чтобы виновники случившегося были выявлены, арестованы и понесли заслуженную кару.

Считаем нужным, однако, заявить со всей прямотой, что полиция не заслужила ни малейшего упрека: она не предпринимала достаточно действенных мер, так как не получила разрешения Инспекции по делам несовершеннолетних.

с уважением,

секретарь начальника полиции.

(Письмо, напечатанное на первой странице «Жорнал да Тарде» вместе с фотографией начальника полиции и пространными похвалами в его адрес.)

Письмо инспектора

по делам несовершеннолетних

в редакцию газеты «Жорнал да Тарде»

Его превосходительству

г-ну главному редактору

г. Сальвадор

штат Баия

Дорогой земляк!

Просматривая на досуге, который лишь изредка предоставляют мне многообразные и многочисленные обязанности, сопряженные с выполнением моей труднейшей миссии, Вашу замечательную газету, я обратил внимание на письмо неутомимого начальника городской полиции, где он излагает мотивы, по

которым правоохранительные органы по сию пору не смогли усилить столь необходимую борьбу с малолетними преступниками, терроризирующими наш город. Господин начальник полиции заявляет, будто не получал от Инспекции по делам несовершеннолетних надлежащих распоряжений, долженствовавших побудить его к принятию более активных мер по отношению к малолетним преступникам. Ни в коей мере не желая хоть как-то бросить тень на плодотворную деятельность городской полиции, я тем не менее обязан в интересах истины – истины, которая, подобно путеводному маяку, освещает весь мой жизненный путь, – заявить, что не могу признать эти доводы убедительными. В компетенцию инспекции не входит розыск малолетних преступников, мы обязаны лишь определить, в каком именно исправительном заведении будут они отбывать срок наказания, и назначить представителя инспекции для присутствия на суде, где будет рассматриваться возбужденное против них дело. Повторяю, в круг наших прерогатив не входят розыск и задержание малолетних преступников: инспекция занимается их последующей судьбой. Достоуважаемый господин начальник полиции может быть уверен, что долг свой я и впредь буду исполнять так же неукоснительно, как и на протяжении всех пятидесяти лет моей беспорочной службы.

За последние месяцы я направил в исправительные колонии значительное число несовершеннолетних, которые преступили закон или были оставлены родителями на произвол судьбы, и не моя вина, что они бегут оттуда, что предпочитают отказаться от честного труда, что покидают заведения, где их пытаются приобщать к честной и созидательной жизни и окружают заботой и вниманием. Покинув стены колонии, они становятся еще более опасными преступниками, словно полученное ими наказание пошло им во вред. Почему так происходит? Ответ на этот вопрос могут дать лишь специалисты-психологи, меня же, философа-дилетанта, он ставит в тупик.

Хочу заявить со всей ясностью и прямотой, господин редактор, что начальник полиции всегда может рассчитывать на содействие Инспекции по делам несовершеннолетних в деле борьбы с малолетними преступниками.

Примите, г-н редактор, уверения в моем искреннем уважении и преданности.

Инспектор по делам несовершеннолетних.

(Напечатано в «Журнал да Тарде» вместе с фотографией инспектора и кратким, но лестным редакционным комментарием.)

Письмо в редакцию газеты «Жорнал да Тарде»

бедной швеи, матери семейства

Уважаемый г-н редактор!

Извините за ошибки и за плохой почерк, но я к письмам непривычная, а это письмо взялась писать потому что хочу чтобы все было ясно. Я прочла у вас в газете, как воруют «Генералы песчаных карьеров», а потом полиция сказала, что всех их заарестуют, а потом сеньор инспектор по малолетним сказал, что они не исправляются в колониях куда он их посылает. Я насчет колонии этой и решилась вам написать хоть писать хорошо не умею. Вот бы ваша газета послала кого-нибудь посмотреть, как там обращаются с несчастными детьми из неимущих семей которые на свою беду попали в руки тамошних надзирателей у которых сердце тверже камня. Мой сын Алонсо пробыл там полгода и кабы я не сумела его оттуда вызволить один Бог знает дожил бы он до срока или нет. Их там секут два а то и три раза в день и это еще хорошо. Директор ходит вечно пьяный и лупит детей хлыстом. Я сама это видела много раз, они внимания не обращают если скажешь что-нибудь и говорят что так нужно для острастки чтоб другим было неповадно. Потому я забрала сына оттуда. Пошлите сеньор редактор туда человека пусть он посмотрит чем их там кормят и какую работу заставляют делать что не всякий взрослый справится и выдержит, и как их лупцуют за дело и без дела. Только пусть не говорит что из газеты а то они его обманут. Пусть придет неожиданно и тогда увидите права я или нет. Из-за таких вот колоний и существуют воровские шайки и пусть уж лучше мой сын будет там чем в таком заведении. Посмотрите сеньор что там творится у вас сердце в груди замрет. Спросите падре Жозе Педро, он там служил капелланом, все видел и знает. Он все вам расскажет и лучше чем я.

Остаюсь Мария Рикардинья, швея.

(Напечатано на пятой странице «Жорнал да Тарде» среди объявлений, без фотографии и комментариев.)

Письмо падре Жозе Педро

в редакцию газеты «Жорнал да Тарде»

Господь да благословит Вас.

Уважаемый г-н редактор!

В одном из номеров Вашей уважаемой газеты я прочел письмо Марии Рикардиньи, в котором она ссылается на меня как на того, кто может пролить свет на обстоятельства, сопутствующие жизни детей, попавших в исправительную колонию, и вынужден обеспокоить Вас этим письмом, поскольку все, о чем рассказала Вам Мария Рикардинья, к прискорбию, соответствует действительности. Воспитанники вышеупомянутой колонии в самом деле содержатся, как дикие звери. Администрация колонии, позабыв заповеди о всепрощении и любви к ближнему, не только не старается привлечь к себе сердца воспитанников добротой и лаской, но, напротив, еще больше ожесточает их беспрерывными наказаниями и бесчеловечными истязаниями. По долгу пастыря я был обязан нести заблудшим детям утешение и свет истинной веры, но вижу, что ненависть, скопившаяся в душе этих несчастных, больше, чем кто-либо иной, достойных жалости, препятствует им воспринять мои слова с должным доверием. Обо всем том, что я ежедневно вижу в колонии, я мог бы написать целую книгу.

Благодарю Вас за внимание.

Падре Жозе Педро, смиренный раб Божий.

(Напечатано на третьей странице «Диарио да Тарде» под заголовком «Неужели это правда?» и без всяких комментариев.)

Письмо директора

исправительной колонии

в редакцию газеты «Жорнал да Тарде»

Глубокоуважаемый г-н редактор!

С неослабевающим интересом слежу я за тем, как одна из самых блистательных представительниц баиянской прессы, газета «Жорнал да Тарде», ведет под Вашим мудрым руководством кампанию борьбы с шайкой «Генералы песчаных карьеров», которая терроризирует наш город и нарушает покой его обитателей.

В числе материалов, посвященных этой теме, я ознакомился и с двумя письмами, содержащими обвинения по адресу учреждения, вверенного моему попечению. Одна лишь скромность – только она одна! – не дает мне права назвать это учреждение образцовым.

Я не унижусь до того, чтобы через посредство Вашей газеты опровергать письмо этой представительницы низших слоев нашего общества, – без сомнения, одной из тех, кто так мешает нам при исполнении нашего священного долга – исправления детей, сбившихся с пути истинного. Когда дети, получавшие воспитание на улице и постоянно имевшие перед глазами примеры недостойного поведения своих родителей, попадают к нам и мы заставляем их приобщаться к нормальной жизни, родители эти, вместо того чтобы со слезами благодарности целовать руки тех, кто не щадит усилий, превращая их детей в полезных членов общества, начинают жаловаться. Но я уже сказал и готов повторить, что оставляю это письмо без внимания. Смешно было бы ожидать, что темная малограмотная работница окажется на высоте понимания тех задач, которые выполняет руководимое мною учреждение.

Но второе письмо поразило меня до глубины души. Этот священник, позабывший, какие обязанности налагают на него его сан и должность, бросил нам тяжкие обвинения. Этот святой отец, которого по справедливости следовало бы назвать «чертовым сыном» (я надеюсь, Вы, г-н редактор, простите мне эту иронию), пользовался своим особым положением для того, чтобы, проникая в интернат в неположенные по правилам внутреннего распорядка часы, подбивать детей, отданных государством под мою опеку, на открытое неповиновение и даже бунт. С тех пор как он появился у нас, случаи нарушения дисциплины и неподчинения установленным правилам участились. Падре Жозе Педро – злостный подстрекатель, дурно влияющий на детей, которые в

большинстве своем и так испорчены до крайности. Отныне двери нашего интерната закрыты для него навсегда.

Тем не менее, г-н редактор, я от своего имени присоединяюсь к просьбе Марии Рикардиньи и настоятельно прошу Вас прислать к нам сотрудника Вашей газеты с тем, чтобы и Вы, и читающая публика смогли получить истинное и непредвзятое представление о том, как перевоспитывает малолетних преступников Баиянская исправительная колония. В понедельник я буду ждать Вашего сотрудника: допуск посетителей в другие дни запрещен правилами внутреннего распорядка, а я стараюсь ни в чем не отступать от них. Этим, и только этим, объясняется мое желание видеть его именно в понедельник. Заранее благодарю Вас за это, как и за публикацию настоящего письма, и надеюсь, что недостойный священнослужитель будет посрамлен.

Примите и проч.

Директор Баиянской исправительной колонии

для малолетних преступников и брошенных детей.

(Напечатано на третьей странице «Жорнал да Тарде» вместе с фотографией колонии и сообщением, что в понедельник ее посетит репортер.)

ОБРАЗЦОВОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ, ГДЕ ЦАРЯТ МИР И ТРУД – НЕ ДИРЕКТОР, А ДРУГ – ПРЕВОСХОДНАЯ КУХНЯ – ВОСПИТАННИКИ И ТРУДЯТСЯ, И ВЕСЕЛЯТСЯ – МАЛОЛЕТНИЕ ПРЕСТУПНИКИ НА ПУТИ К ПЕРЕРОЖДЕНИЮ – БЕСПОЧВЕННЫЕ ОБВИНЕНИЯ ОПРОВЕРГНУТЫ – ПРЕТЕНЗИИ ВЫСКАЗАЛ ТОЛЬКО ОДИН – НЕИСПРАВИМЫЙ – БАИЯНСКАЯ КОЛОНИЯ ЖИВЕТ ОДНОЙ ДРУЖНОЙ СЕМЬЕЙ – МЕСТО «ГЕНЕРАЛОВ ПЕСЧАНЫХ КАРЬЕРОВ» – ЗДЕСЬ

(Заголовки репортажа, опубликованного во вторник в вечернем выпуске «Жорнал да Тарде» на всю первую полосу вместе с фотографиями колонии и ее директора.)

Под луной, в заброшенном пакгаузе

Пакгауз

Под луной, в заброшенном пакгаузе спят дети.

Раньше море было совсем рядом. Волны, подсвеченные желтоватым сиянием луны, ласково плескались у подножия пакгауза, прокатывались под причалом – как раз в том месте, где спят сейчас дети. Отсюда уходили в плавание тяжело нагруженные суда – пускались в нелегкий путь по опасным морским дорогам огромные разноцветные корабли. Сюда, к этому причалу, теперь уже изъеденному соленой водой, приставали они, чтобы доверху набить трюмы. Тогда перед пакгаузом простирался таинственный и необозримый океан, и ночь, спускавшаяся на пакгауз, была темно-зеленой, почти черной, под цвет ночного моря.

А теперь ночь стала белесой, и перед пакгаузом раскинулись пески гавани. Под причалом не шумят волны: песок, завладевший пространством, медленно, но неуклонно надвигался на пакгауз, и не подходят больше к причалу парусники, не становятся под погрузку. Не видно мускулистых негров-грузчиков, напоминающих времена рабовладения. Не поет на причале, тоскуя по родным местам, чужестранный моряк. Белесые пески простираются перед пакгаузом, который никогда уж больше не заполнится мешками, кулями, ящиками. Одиноко чернеет он среди белизны песков.

Много лет полновластными хозяевами его были одни только крысы: они наперегонки носились вдоль его бесконечных стен и грызли тяжеленные деревянные двери. Потом, спасаясь от дождя и ветра, забрел в пакгауз бездомный пес. Первую ночь он совсем не спал – все ловил и рвал на части шмыгавших под самым носом крыс. Потом несколько ночей кряду выл на луну: лунный свет беспрепятственно проникал сквозь полуразвалившуюся крышу, заливая сложенный из толстых досок пол. Но пес был бродячим: вскоре он отправился искать себе другое пристанище – темный проем двери, ведущей в человеческое жилье, изогнутый свод моста, теплое тело суки. И снова пакгаузом безраздельно завладели крысы. Так было до тех пор, пока не наткнулись на него бездомные мальчишки.

К тому времени ворота осели и распахнулись, и один из «генералов», обходивших свои владения (весь порт, как, впрочем, и весь город Баия,

принадлежит им), вошел в пакгауз.

Мальчишка сразу понял, что тут гораздо лучше, чем на голом песке или на причалах у других складов, откуда того и гляди смоет прилив. С той самой ночи почти все «генералы» перебрались в заброшенный пакгауз и, под желтым светом луны, разделили компанию крыс. Перед глазами простирались нескончаемые пески. Вдалеке накатывало на причалы море. Корабли входили в гавань или выходили в открытое море, и свет их сигнальных огней бил в полуоткрытую дверь. Через дырявую крышу виднелись усеянное звездами небо и луна.

Потом мальчишки стали хранить в пакгаузе свою добычу, и там появились диковинные предметы. Впрочем, на стороннего наблюдателя еще более странное впечатление произвели бы эти мальчишки всех цветов и оттенков кожи, всех возрастов – от девяти до шестнадцати лет, которые растягивались ночью на деревянном полу или под причалом, не обращая никакого внимания ни на ветер, который с завыванием носился вокруг пакгауза, ни на дождь, от которого вымокали до костей. Глаза их неотрывно следили за сигнальными огнями кораблей, а уши чутко ловили звуки песен, долетавших с палуб…

Там же поселился и атаман их шайки – Педро Пуля. Прозвище это получил он с самого раннего детства, лет с пяти, а сейчас ему уже пятнадцать, и десять из них он бродяжничает. Матери своей он не знал, отца давно застрелили. Педро остался на белом свете один, принялся изучать город, и нет теперь ни улицы, ни переулка, ни тупика, нет такой лавчонки, кабачка, дощатой палатки, которая была бы ему неизвестна. В тот год, когда он примкнул к «генералам» (недавно выстроенный порт привлек к себе всех бездомных баиянских детей), верховодил в шайке Раймундо, крепыш-кабокло[2 - Кабокло – метис от брака индианки и белого.] с кожей, отливавшей красным.

С приходом Педро власть стала уплывать из рук Раймундо. Педро Пуля забил его по всем статьям: он был и деятельней и сноровистей, он умел все рассчитывать наперед и дать каждому дело по вкусу и силам, он умел себя поставить, а в голосе его и в выражении глаз было что-то такое, что его слушались беспрекословно. Настал день, когда Раймундо и Педро схватились. Раймундо, на свою беду, вытащил нож и полоснул противника по лицу, отметив его до конца жизни рубцом на щеке. Педро был безоружен, и потому остальные члены шайки вмешались, остановили драку и стали ждать реванша. Педро не замедлил отомстить. Однажды вечером, когда Раймундо собирался отлупить негритенка

Барандана, Педро заступился за него. Такой драки песчаные отмели еще не видели. Раймундо был старше годами, выше ростом, но Педро Пуля с развевающимися белокурыми волосами, с алым шрамом, горевшим на щеке, превосходил его ловкостью. Раймундо потерял и власть над шайкой, и песчаные отмели. Через некоторое время он нанялся матросом на какое-то судно и ушел плавать.

Все единодушно признали нового атамана, и с тех самых пор покатились по городу слухи о банде «генералов» – о бездомных мальчишках, промышлявших грабежом. Никто не знал, сколько их на самом деле, а было их около сотни. Человек сорок, а может, и больше постоянно жили в полуразвалившемся пакгаузе.

Это они, оборванные, грязные, голодные мальчишки, сыпавшие отборной руганью, смолившие подобранные на тротуарах окурки, были истинными хозяевами города и его поэтами: они знали его в совершенстве, они любили его всем сердцем.

Ночь «генералов»

Темная ночь неспешно надвигается на Баию со стороны моря, окутывает тьмой старинный форт, рыбачьи баркасы, волнолом, вползает по крутым улочкам, опускается на колокольни церквей. Давно смолкли колокола, вызванивавшие «Богородице», – уже гораздо больше шести. Небо все в звездах, и ночь светла, хотя луна так и не выглянула. Пески, окружающие черную громаду пакгауза, хранят следы босых ног: «генералы» в этот час собираются вместе. Над входом в портовую таверну «Ворота в море» слабо мерцает, грозя вот-вот потухнуть, фонарь. Холодный ветер дует навстречу, швыряет в лицо пригоршни песка, и Большой Жоан гнется под его порывами, точно мачта рыбачьей шаланды. Ему всего тринадцать лет, а он уже ростом выше всех остальных, и мускулы у него, как железо. Четыре года носится он с шайкой по улицам Баии, четыре года он волен как ветер, никого не спрашивается, никому не подчиняется. Большой Жоан не бывал в домике на вершине холма с того дня, как его отца, великана-ломовика, на узкой улице задавил внезапно вылетевший из-за угла грузовик. Огромный таинственный город простирался перед ним, и негритенок решил завоевать его, – черный город, полный церквей и храмов, город, почти такой же загадочный, как море. И Большой Жоан не вернулся домой. В девять лет стал он членом шайки – в те времена, когда главарем ее был еще Раймундо, который

рисковать не любил, и слава ее была еще впереди. Очень скоро Большой Жоан сделался одним из вожаков, и его никогда не забывали позвать на совет, где затевались и обдумывались новые налеты, хотя особенно острым умом он не отличался: голова болела всякий раз, как требовалось поднапрячь мозги. Так же вспыхивали они, если кто-нибудь в его присутствии обижал маленьких. Тело его напрягалось, и он очертя голову бросался в любую драку. Но его побаивались, потому что все знали его силу. Безногий говаривал:

– Наш негр – это помесь мула с кузнечным прессом.

А малолетки, которые, попав в шайку, на первых порах робели, всегда могли рассчитывать на его защиту и покровительство. Любил его и Педро Пуля: Большой Жоан знал, что атаман дружит с ним вовсе не из-за его силы. Педро заметил доброту негра и часто повторял:

– Добрая ты душа, Жоан. Ты лучше нас всех. Ты мне по нраву, – и похлопывал смущавшегося паренька по колену.

Большой Жоан шагает к пакгаузу. Ветер бьет в лицо, швыряет в глаза песок, но Жоан, согнувшись, наклонившись вперед, продолжает путь. Он заскочил в «Ворота», пропустил по рюмочке кашасы с Богумилом, который только сегодня вернулся из южных морей, с рыбной ловли. Богумил – самый знаменитый капоэйрист в Баии, все его знают и почитают. В ангольской капоэйре ему нет равных, он превзошел даже Зе Недомерка, слава которого гремит до самого Рио-де-Жанейро. Богумил рассказал Жоану новости и обещал завтра прийти в пакгауз, научить его, Педро Пулю и Кота новым приемам и броскам. Большой Жоан закуривает и шагает дальше, и на песке остаются отпечатки его огромных ступней. Ветер тут же засыпает эти вмятины. В такую ночь в море лучше не выходить, думает негр.

Увязая в песке по щиколотку, он проходит под причалом, стараясь не наступить на спящих. Входит в пакгауз. Мгновение стоит в нерешительности, но потом замечает огонек свечи. Да, это Профессор, пристроившись в дальнем углу, читает при свете огарка. Вконец глаза испортит, думает Большой Жоан, в такой темнотище разбирать мелкие буковки: свечка горит еще тусклей, чем фонарь у входа в таверну, пламя так и ходит из стороны в сторону. Жоан приближается к Профессору, хотя спать всегда ложится у порога, как сторожевой пес, и нож на всякий случай кладет поближе.

Перешагивая через тех, кто уже спит, обходя тех, кто вполголоса болтает с соседом, он подходит к Профессору, присаживается рядом на корточки, смотрит, как жадно тот глотает страницу за страницей.

Прошло уже несколько лет с того дня, как Жоан Жозе по прозвищу Профессор украл с открытой витрины магазина на Баррас первую книгу. Однако добычу он никогда не продавал, а прятал книги в своем углу под кирпичами – чтобы крысы не попортили – и читал запоем. Ему было интересно все на свете, и часто по ночам он рассказывал товарищам диковинные истории об искателях приключений, о знаменитых мореплавателях, о легендарных героях и исторических личностях, и после таких рассказов «генералы» пристальней вглядывались в морские просторы или в таинственные закоулки Баии, и жажда подвигов и приключений снедала их души. Жоан Жозе – единственный в шайке – читал бегло, хотя в школу ходил всего полтора года. Черные волосы вечно лезли в сощуренные подслеповатые глаза этого щуплого, веснушчатого, не очень-то бойкого мальчика, которому разносторонние познания и дар рассказчика снискали в шайке единодушное уважение. Профессором его прозвали не только потому, что он здорово показывал фокусы с монетами и платками; пересказывая истории, вычитанные из книг или сочиненные на ходу, Жоан Жозе обнаруживал великий и загадочный дар: он переносил своих слушателей в иные миры, в дальние неведомые края, и смышленые глаза мальчишек блестели в эти часы, как звезды на баиянском небосклоне. Затевая очередное дело, Педро Пуля всегда советовался с Профессором: самые дерзкие налеты увенчивались успехом благодаря его выдумке и изобретательности. Никто, конечно, и представить себе не мог, что через несколько лет он напишет картины, в которых воссоздаст историю своих товарищей, историю многих страдальцев и героев, и полотна эти потрясут всю Бразилию. Никто не мог этого знать – разве что только дона Анинья, «мать святого»[3 - Мать святого – старшая жрица на кандомбле.], но ведь когда она выходит на террейро[4 - Террейро – место проведения церемоний афробразильского культа – кандомбле.] и начинает волшбу, богиня Иа[5 - Иа – одно из верховных божеств афробразильского культа.] через оправленный в серебро бараний рожок сообщает ей все на свете.

Большой Жоан долго следил за тем, как читает Профессор: ему-то эти буковки ничего не говорили. Взгляд его скользил по странице, переходил на дрожащее пламя свечи, а потом – на растрепанную голову Жоана Жозе. Наконец негр не выдержал, и в тишине раздался его звучный мягкий голос:

– Хорошая книжка?

Профессор оторвал глаза от книги, увидел Большого Жоана, одного из самых восторженных своих почитателей, и хлопнул его ладонью по плечу:

– Потрясающая!

Глаза его блестели.

– Про моряков?

– Про такого же негра, как ты. Про настоящего мужчину.

– Потом расскажешь, а?

– Как дочитаю. Тут, понимаешь, негр…

И, не договорив, снова впился в книгу. Жоан сунул в рот дешевую сигарету, угостил Профессора и долго сидел на корточках, словно караулил, как бы кто не помешал тому читать. Весь пакгауз гудел гулом голосов, хохотом, перебранкой. Большой Жоан различал даже пронзительный и гнусавый голос Безногого: тот всегда говорит громко и хохочет во всю глотку. Безногий служил «генералом»-лазутчиком: он умел прикинуться мальчиком из хорошей семьи, потерявшимся в сутолоке и толчее огромного города, и на неделю протыриться в чей-нибудь дом. Кличку свою он получил из-за того, что сильно хромал. По этой же причине трогал он сердца почтенных матерей семейств: когда появлялся у них на пороге и печальным, жалобным голоском просил какой-нибудь еды и позволения переночевать, ни у кого язык не поворачивался отказать ему. Сейчас Безногий издевался над Котом, – тот убил целый день на то, чтобы украсть перстень с винно-красным камнем, который оказался стекляшкой, ничего не стоящей дребеденью.

Неделю назад Кот оповестил всех и каждого:

– Приглядел я перстенек, такой, что епископу надеть не стыдно. И как раз мне подойдет. Тут главное – не сробеть. Вот посмо?трите, я его уведу…

– Он на витрине?

– Не на витрине, а на пальце у того толстяка, что каждое утро садится в трамвай на Байша-дос-Сапатейрос!

И Кот не знал покоя до тех пор, пока не ухитрился все-таки в трамвайной давке снять перстень и улизнуть, когда толстяк обнаружил пропажу. Кот нацепил перстень на средний палец и перед всеми хвастался своей добычей. Но Безногий поднял его на смех:

– Было б из-за чего рисковать! Овчинка выделки не стоит.

– Помолчи, Безногий, не нарывайся!

– До чего ж ты глуп, Котик! В ломбарде за эту стекляшку не дадут ни гроша.

– А я и не собираюсь его закладывать. Он мне по вкусу. Подцеплю на него какую-нибудь…

О женщинах они говорили очень непринужденно и со знанием дела, хотя самому старшему едва минуло шестнадцать: тайны любви давно уже перестали быть тайнами для них.

Вошедший Педро Пуля унял начинавшуюся драку. Большой Жоан, оставив Профессора, который так и не оторвался от книги, подошел поближе. Безногий продолжал хихикать себе под нос, издеваясь над трофеем Кота. Педро окликнул его и вместе с Большим Жоаном уселся рядом с Профессором. Остальные тоже опустились на пол. Безногий сунул в рот окурок дорогой сигары, с наслаждением затянулся. Большой Жоан вглядывался в море, видневшееся за открытой дверью, – там, где обрывались песчаные гряды.

– Ко мне сегодня приходил Гонсалес…

– Чего ему надо? – спросил Безногий. – Золотую цепочку? Еще одну?

– Нет, не цепочку. Шляпу. И непременно фетровую. Из рисовой соломки не хочет, говорит, на них спроса нет. И еще…

– Ну, что еще? – снова перебил его Безногий.

– Ношеную, говорит, не надо. Только новую.

– Ишь разлетелся… Если б еще платил по совести…

– Ты ведь знаешь, Безногий, у него рот на замке. Раскошеливается-то он, конечно, со скрипом, но зато никогда не заложит, из него слова не вытянешь.

– Не то что со скрипом, а вообще жмот. А молчать – ему же на руку. Будет болтать – загремит в тюрягу.

– Вот что, Безногий, не хочешь дело делать, иди отсюда, не мешай. Дай обдумать.

– Думай себе на здоровье. Я просто считаю, что незачем с этим жуликом испанским дело иметь. Делай как знаешь.

– Он сказал, что заплатит сполна. Есть смысл покорячиться. Только обязательно – фетровую и неношеную. Возьмись-ка за это, Безногий, собери своих и попробуй достать. Завтра к вечеру Гонсалес пришлет с кем-нибудь денег и заберет товар.

– В кино можно попробовать, – сказал Профессор, повернувшись к Безногому.

– На Витории еще лучше, – пренебрежительно отвечал тот. – Там у каждого бумажники – вот такие. Пришел и выбирай любую шляпу.

– На Витории и от фараонов не продыхнуть.

– А ты уж и испугался? Там же не агенты, а постовые. Пойдешь со мной, Профессор?

– Пойду. Мне самому нужна шляпа.

Вмешался Педро Пуля:

– Бери кого хочешь, Безногий, полную тебе даю волю, действуй на свое усмотрение. Только Кота и Большого Жоана оставь: они мне нужны для другого

дела. – Он посмотрел на Жоана. – Дельце с Богумилом.

– Да, он мне сказал. Сегодня вечером зайдет, устроим капоэйру.

Педро крикнул вслед Безногому, который уже отправился к Леденчику, чтобы обсудить с ним, кто пойдет добывать шляпы:

– Слышь, Безногий, предупреди своих: если будет хвост, сюда пусть не приводят.

Он стрельнул у Большого Жоана сигарету. Безногий издали подзывал Леденчика. Педро Пуля отправился на розыски Кота – у него было к нему дело, – потом вернулся и улегся на полу рядом с Профессором, который снова уткнулся в книгу. Но свеча догорела и погасла, в пакгаузе стало совсем темно. Большой Жоан, осторожно ступая, пошел к дверям, растянулся на пороге во весь рост. Он и во сне не расставался с ножом, заткнутым за пояс.

Леденчик был тощий и долговязый, желтоватая кожа туго обтягивала скулы, глубоко посаженные глаза казались бездонными, тонкие губы редко растягивались в улыбку. Безногий для затравки осведомился, успел ли тот помолиться, а потом рассказал ему о шляпах. Они тщательно отобрали тех, кто пойдет на дело, обсудили, кто где будет промышлять, и расстались. Леденчик пошел в тот угол пакгауза, где всегда спал, любовно и тщательно разложил все свои пожитки: старое одеяло, маленькую подушку, которую ловко увел из гостиницы, когда подносил чемоданы какому-то туристу, пару брюк и рубашку неопределенного цвета, но довольно свежую, – это он надевал по воскресеньям. К стенке маленькими гвоздиками были приколочены две олеографии: на одной был изображен святой Антоний с Христом-младенцем на руках (Леденчик при крещении получил имя Антонио, и от кого-то он узнал, что патрон его тоже был бразильцем), а на другой – Пречистая Дева Семи Скорбей, пронзенная стрелами. За рамку был заткнут увядший цветок. Леденчик понюхал его, убедился, что он давно уже ничем не пахнет, и прикрепил к ладанке, которую носил на груди, а из кармана ветхого пиджачка достал красную гвоздику, сорванную вчера в смутное время сумерек под самым носом у сторожа, засунул ее за рамку, устремив на Пречистую благоговейный взгляд. Потом опустился на колени. Раньше товарищи посмеивались над его набожностью, но потом привыкли и не обращали на него внимания. Он начал молиться: на детском лице появилось просветленное сосредоточенное выражение, длинные тощие руки с мольбой простерлись к Богоматери, и он совсем стал похож на отшельника-аскета. Глаза

его горели, неузнаваемо изменившийся голос дрожал от чувств, неведомых другим членам шайки. В такие минуты он забывал, кто он и где он, и ему казалось, что он уносится куда-то далеко-далеко от старого пакгауза и рядом с ним стоит Пречистая Дева. Молитва его была проста и незамысловата и не значилась ни в каких часословах: Леденчик просил Деву Марию, чтоб помогла ему поступить в коллеж на Содре – тот самый, где учат на священников.

Когда Безногий, вернувшийся, чтобы обговорить еще какую-то подробность завтрашнего дела, и уже приготовивший ехидное замечание, от которого ему самому стало смешно и которое должно было взбесить Леденчика, подошел поближе и увидел, что его руки воздеты к небесам, глаза устремлены неведомо куда, а на лице – восторг, усмешка замерла у него на губах, он остановился и долго разглядывал молившегося, охваченный каким-то странным чувством – тут были и страх, и зависть, и отчаяние.

Леденчик был неподвижен, только губы его медленно шевелились. Безногий часто издевался над ним, как и над всеми прочими, даже над Профессором, которого он любил, даже над Педро Пулей, которого очень уважал. Как только в шайку попадал новичок, в голову Безногому тотчас приходила какая-нибудь зловредная идея на его счет. Стоило новенькому неуклюже повернуться или неловко ответить, как Безногий начинал насмехаться над ним и приклеивал ему кличку. Он высмеивал все на свете, потешался над всеми и слыл в шайке одним из первых забияк и драчунов. Славился он и своей жестокостью: однажды поймал в пакгаузе кошку и долго мучил ее, изобретая все новые зверства. В другой раз располосовал ножом лицо официанту в ресторане – и всего-навсего из-за порции жареного цыпленка. Когда у него на ноге назрел нарыв, он хладнокровно вскрыл его лезвием перочинного ножа и со смехом выдавил гной. В шайке его многие недолюбливали, однако те, кто сумел приноровиться к его характеру и стать его другом, говорили, что Безногий – «парень свой». В глубине души он жалел всех, потому что все вокруг него были несчастны, и старался смехом и вышучиванием заслониться от этого несчастья, – издевательства его были как лекарство. Он долго стоял и смотрел на Леденчика, который полностью был поглощен молитвой. Сначала Безногий подумал, что тот чему-то безмерно радуется, что он ужас как счастлив, но потом понял, что это совсем не то, но как назвать это восторженно-просветленное выражение – не знает. В эту минуту Безногому стало ясно, почему он никогда не молился и не помышлял о небесах, про которые так часто говорил им падре Жозе Педро; ему всегда хотелось веселья и счастья, хотелось сбежать от убожества, от бед и несчастий, которые наваливались со всех сторон. Правда, взамен счастья были улицы Баии, была свобода. Но зато ни одна душа не приласкает, слова доброго не скажет. Вот

Леденчик ищет все это на небе, в своих иконках, в увядших цветах, которые он приносит Богоматери, точно какой-нибудь романтический вздыхатель из богатых кварталов – невесте или возлюбленной… Нет, Безногому этого мало. Ему немедленно, сию минуту подавай что-нибудь такое, чтобы на лице появилась не издевательская ухмылка, а веселая улыбка, чтоб не надо было вышучивать всех и глумиться над всем, чтоб исчезла тоска, от которой в зимние ночи так хочется плакать. А этот восторг, сияющий на лице Леденчика, ему без надобности. Он хочет счастья, ему нужно, чтобы чья-нибудь любящая рука приласкала его, заставив позабыть и увечье, и те долгие годы, что он провел на улице. Быть может, это продолжалось вовсе не годы, а всего несколько недель или месяцев, но Безногому казалось, что он много лет мыкается по улицам, где его злобно толкают прохожие, хватают сторожа, обижают мальчишки постарше. У него никогда не было семьи. Жил у пекаря, которого называл «крестным», – тот нещадно лупил парня. Как только понял, что побег избавит от побоев, – сбежал. Голодал, мерз, попал за решетку. Как хотелось ему, чтобы кто-нибудь его приласкал и заставил позабыть тот день в тюрьме, когда пьяные солдаты заставили его – хромого – бегать вокруг стола, подгоняя резиновыми дубинками. Синяки на спине скоро исчезли, но память об этой муке осталась в душе навсегда. Он бегал по комнате как маленький зверек, затравленный хищниками покрупнее. Хромая нога не слушалась; а когда он останавливался перевести дух, дубинка со свистом обрушивалась ему на спину. Сначала он плакал, потом – неведомо как – слезы высохли. Пришла минута, когда он в изнеможении, обливаясь кровью, рухнул на пол. До сих пор звенит у него в ушах хохот солдат и человека в сером жилете, не выпускавшего изо рта сигару. Потом Безногий пришел в шайку: Профессор, с которым они познакомились на скамейке в саду, привел его в пакгауз. Понравилось – остался. Очень скоро он выдвинулся, потому что никто лучше него не умел вызывать сострадание у добросердечных сеньор, чьи квартиры потом посещали юные грабители, превосходно осведомленные о расположении комнат и о том, где хранятся ценности. И когда Безногий представлял себе, как проклинают его эти сеньоры, принявшие его за бедного сироту, душа у него просто пела от радости. Так он мстил им, так вымещал он на них переполнявшую его ненависть, смутно мечтая о какой-то сверхмощной бомбе – про такую рассказывал Профессор, – которая бы разнесла в клочья, подняла на воздух весь город, и, воображая себе этот взрыв, веселел. Может быть, он был бы так же весел и счастлив, если бы кто-нибудь – обычно ему виделась женщина с седеющими волосами и мягкими руками – прижал бы его к груди, погладил, приласкал, убаюкал, прогнав прочь сны о тюрьме, мучившие его еженощно. Да, тогда бы он был весел и счастлив, и ненависть ушла бы из его сердца, и не было бы там ни презрения, ни зависти, ни злости на Леденчика, который, воздев руки к небу и вперив взгляд в одну точку, убегает из мира

скорбей и бед в мир, известный ему лишь по рассказам падре Жозе Педро…

Слышатся чьи-то голоса. Четверо входят в сонную тишину пакгауза. Безногий, вздрогнув, смеется в спину Леденчику, который продолжает молиться, и, пожав плечами, решает подождать до завтра с обсуждением «шляпного дела». Спать он боится и потому направляется навстречу вошедшим, просит закурить и грубо обрывает их похвальбу:

– Да кто же поверит, что таким щенкам, как вы, удалось справиться с бабой?! Это наверняка был какой-нибудь…

Четверо немедля вспыхивают:

– Ты что, правда не веришь или дураком прикидываешься? Хочешь, пошли завтра с нами! Ты таких и вовсе-то не видал!

– Нет, нет, – издевательски смеется в ответ Безногий. – Я к этим равнодушен.

И отходит прочь.

Кот спать не ложится. Он всегда выходит в город после одиннадцати вечера. Он чистюля и франт, кожа у него бело-розовая, и потому, стоило ему только появиться в шайке, Долдон сделал попытку прихватить его. Но Кот уже в те времена отличался немыслимым проворством и к тому же вовсе не был «мальчиком из хорошей семьи»: тут Долдон дал маху. Кот пришел к «генералам» из другой шайки, носившей имя «Индейцы Малокейро» и обитавшей под причалами Аракажу, в Баию же приехал на тормозной площадке товарняка. Ему шел уже четырнадцатый год, он прекрасно знал, какие нравы царят среди бездомных подростков, и мигом догадался, с чего это Долдон, приземистый, коренастый, уродливый мулат, взялся так его обхаживать: угощал сигаретами, поделился ужином и вызвался показать город. Там они украли пару новых башмаков, выставленных в витрине на Байша-дос-Сапатейрос.

– Я знаю, кому их загнать, – сказал тогда Долдон.

Кот оглядел свои ботинки – они уже просили каши.

– Я лучше себе оставлю. Мне давно нужны новые.

– Ты и в этих загляденье, – восхитился Долдон, который по большей части ходил босиком.

– Я уплачу твою долю. Сколько они могут потянуть?

Долдон воззрился на него. Кот был одет в заплатанный пиджак, но при галстуке и в перчатках – чудо из чудес!

– Фасонишь, да? – улыбнулся он.

– Я рожден не для этой жизни. Я рожден для большого света, – произнес Кот фразу, которую услышал однажды от какого-то коммивояжера в кабаре в Аракажу.

Долдон находил, что его новый товарищ – настоящий красавец. Внешность Кота и правда бросалась в глаза, и, хотя в его красоте не было ничего женственного, она привлекла Долдона, которому, в довершение всех бед, совсем не везло с женщинами: он выглядел младше своих тринадцати лет, был мал ростом и невзрачен. А Кот к четырнадцати годам успел вымахать и уже любовно пестовал пушок над губой – тень будущих усов. Долдон в эту минуту любил его всем сердцем и потому сказал:

– Ладно, забирай. Отдаю тебе свой тоже.

– Вот спасибо. Сочтемся как-нибудь.

Долдон решил без промедления воспользоваться этой благодарностью и будто случайно провел ладонью по бедру Кота. Кот ловко отстранился, засмеялся про себя, но ничего не сказал. Долдон решил не нажимать, чтоб мальчишка не испугался: ему и в голову не могло прийти, что Кот разгадал его мысли. Вечером они шлялись, любуясь праздничной иллюминацией Баии (Кот был потрясен), а часов в одиннадцать вернулись в пакгауз. Долдон представил нового товарища Педро Пуле, а потом отвел в тот угол, где ночевал:

– Вот простыня, нам на двоих.

Кот улегся, Долдон растянулся рядом. Решив, что новичок уснул, он обнял его. Кот вскочил как ужаленный:

– Ошибочка вышла. Я мужчина.

Но Долдон уже потерял власть над собой и ничего не видел, кроме этой белой кожи, черных кудрей и мускулистого тела. Он бросился на Кота, желая свалить его наземь, подмять под себя. Кот отскочил, подставил ему ножку, и Долдон с размаху шлепнулся оземь, расквасил нос. Их уже окружили.

– Он, видно, решил, что я из этих… – сказал Кот и ушел, прихватив простыню.

Некоторое время они враждовали, но потом помирились, и теперь, когда Коту надоедает его очередная подружка, он уступает ее Долдону.

Однажды вечером Кот прогуливался по улицам, где в эти часы собирались проститутки. Волосы его блестели от дешевого брильянтина, галстук скрутился в жгут. Он посвистывал, как истый прожигатель жизни, женщины оглядывались, смеясь, окликали его:

– Эй, петушок! Ты что здесь потерял?

Кот улыбался в ответ и шел дальше. Он ждал, когда кто-нибудь из этих женщин подзовет его к себе, но платить за любовь не собирался, и не в том было дело, что в кармане у него бренчала одна мелочь: нет, «генералам» не подобает платить женщине, у «генералов» всегда в избытке шестнадцатилетних негритяночек, неосмотрительно забредающих в их владения.

А женщины с удовольствием оглядывали ладную мальчишескую фигуру, любовались полудетским порочным лицом. Многие согласились бы переспать с красивым мальчишкой, но в этот час они ловили настоящих клиентов, – надо было думать о том, на какие деньги купить завтра еды и уплатить за квартиру. И потому они только посмеивались и, поддразнивая, задевали его. С первого взгляда понимали они, что из Кота вырастет настоящий сутенер – парень, без мыла влезающий женщине в душу, тот, кто обирает ее и колотит, но зато и одаряет любовью. Многие желали бы стать этому юному проходимцу первой, но время близилось к десяти, наступал час солидных клиентов, и напрасно Кот мерил улицу шагами. Тогда-то вот он и увидел Далву, кутавшуюся в меховой

жакет, несмотря на душный вечер. Она прошла мимо и не заметила его. Этой статной женщине с чувственным лицом было на вид лет тридцать пять, и Кот немедленно пленился ею. Двинулся следом. Она зашла в какой-то дом. Кот остался караулить на углу. Через несколько минут незнакомка появилась у окна. Кот фланировал по улице, но женщина даже не взглянула в его сторону. А когда появился какой-то старик, она окликнула его, тот кивнул и зашел в подъезд. Кот не сходил с места и после того, как старик торопливо, стараясь не привлекать к себе внимания, выскользнул на улицу. Но женщина к окну так больше и не подошла.

С того вечера Кот ежедневно топтался на этом углу – только чтобы увидеть ее. Деньги, которыми удавалось ему разжиться, он тратил на покупку поношенных костюмов: Кот хотел ослепить ее элегантностью. Низкопробное изящество было у него в крови: ведь тут дело не в одежде, а в том, какая у тебя походка, как лихо заломлена шляпа, как небрежно и элегантно повязан твой галстук. Кот мечтал о Далве, как мечтает голодный о куске хлеба, а измученный недосыпом – о постели. Теперь он молча проходил мимо других женщин, когда после полуночи, заработав себе на пропитание и ночлег, те зазывно улыбались юному красавчику. Только однажды откликнулся он на этот зов – и то чтобы разузнать о Далве. Женщина рассказала ему, что у Далвы есть любовник – флейтист из какого-то кафе, что он отбирает у нее все деньги и устраивает пьянки и всяческие безобразия, отпугивая гостей их квартала.

Кот приходил на угол каждый вечер. Далва ни разу не взглянула в его сторону, но оттого он любил ее еще сильней. В горестном ожидании стоял он до тех пор, пока за полночь не показывался флейтист и, послав в окно воздушный поцелуй, не входил в слабо освещенный подъезд. Только после этого Кот брел в пакгауз, неотступно думая об одном и том же: если бы флейтист не вернулся… если бы он умер… Он довольно хлипкий, и четырнадцатилетний Кот, пожалуй, справился бы с ним. Размышляя об этом, он крепко стискивал в кармане рукоять ножа.

И вот однажды флейтист не пришел. В ту ночь Далва, как потерянная, долго ходила по городу, домой вернулась за полночь, одна, и теперь стояла у окна, хотя было уже очень поздно. Вскоре улица опустела: остался только Кот на углу. Он радостно сознавал, что приходит, кажется, его черед. Далва была в смятении. Тогда Кот начал прохаживаться мимо ее окна взад-вперед, пока женщина наконец не обратила на него внимание, не подозвала к себе. Улыбаясь, Кот тотчас подошел.

– Это ты, соплячок, торчишь тут на углу каждую ночь?

– Торчу. Только я не соплячок…

Она невесело улыбнулась:

– Сделай доброе дело… Я кое о чем попрошу тебя… – Тут она на мгновение задумалась и покачала головой. – Хотя нет. Ты ведь не зря тут ошиваешься: пасешь, наверно, кого-нибудь и не можешь терять время попусту, да?

– Как раз могу. Тот, кого я поджидаю, сегодня уже не придет.

– Ну, тогда, пожалуйста, миленький, сходи на улицу Руя Барбозы, дом тридцать четыре. Найдешь там Гастона. Квартира на первом этаже. Скажешь ему, что я его жду.

Кот испытал острое чувство унижения. Сначала он решил, что никуда не пойдет и постарается вообще никогда больше не встречаться с Далвой. Но потом ему стало любопытно: что же представляет собой этот флейтист, у которого хватило духу бросить такую красавицу? Он подошел к черному многоэтажному дому, поднялся по лестнице и спросил у дремавшего в коридоре мальчишки, где тут проживает сеньор Гастон. Тот показал в самый конец коридора, и Кот постучался. Дверь открыл сам флейтист. Он был в одних трусах, а в кровати Кот заметил худую женщину. Оба были навеселе.

– Я от Далвы, – начал Кот.

– Передай этой потаскухе, чтобы зря не старалась. Она мне вот уже где… – И он чиркнул ладонью по горлу.

Из глубины комнаты послышался голос женщины:

– Чего этому херувимчику надо?

– Не твое дело, – отозвался флейтист, но тут же объяснил: – Далва его прислала. Из кожи вон лезет, чтоб я вернулся к ней.

Женщина рассмеялась пьяно и бесстыдно:

– А тебе теперь никто не нужен, кроме меня, да? Поцелуй меня.

Флейтист тоже расхохотался:

– Видал, малявка, какие у нас дела пошли? Вот и передай Далве.

– Я ничего пока что не видел, кроме выдубленной шкуры. На какой помойке подобрал? Долго небось искал?

Флейтист стал серьезен.

– Это моя невеста, изволь вести себя прилично. – И без перехода добавил: – Выпить хочешь? Кашаса больно хороша.

Кот прошел в комнату. Женщина натянула одеяло до подбородка.

– Можешь его не стесняться: мал еще, – засмеялся флейтист.

– Меня мослами не соблазнишь, – ответил Кот.

Он выпил рюмку кашасы. Хозяин уже успел улечься в постель и целовал свою подругу. Ни он, ни она не заметили, как Кот сунул за пазуху сумочку, которая валялась на стуле, на груде одежды. Выйдя из дома, Кот пересчитал деньги: семьдесят восемь мильрейсов. Он швырнул сумку под лестницу, сунул деньги в карман и, насвистывая, двинулся обратно.

Далва по-прежнему стояла у окна. Кот пристально взглянул на нее:

– Я поднимусь, ладно? – и, не дожидаясь ответа, взлетел по лестнице.

Далва встретила его на площадке:

– Ну? Что он тебе сказал?

– Дай войти. Куда – налево, направо?

Первое, что Кот увидел в комнате, была фотография Гастона: он был в смокинге и прижимал к губам флейту. Не сводя глаз с фотографии, Кот уселся на кровать. Далва смотрела на него испуганно и едва сумела вымолвить:

– Так что же он сказал?

– Сядь, – ответил Кот, указав ей место рядом с собой.

– Ах, соплячок ты, соплячок… – прошептала она.

– Он теперь путается с другой, поняла? Я им обоим сказал кое-что приятное, а у той бабы свистнул сумочку. – Он сунул руку в карман, вытащил деньги. – Поделим!

– С другой? Что ж, Спаситель Бонфинский накажет и его, и эту тварь. Спаситель Бонфинский меня не оставит.

Она подошла к стене, на которой висел образок, прошептала несколько слов – должно быть, дала обет – и вернулась.

– Деньги можешь взять себе. Заработал.

– Сядь здесь, – повторил Кот.

На этот раз она подчинилась, и Кот, схватив ее в объятия, повалил на кровать. Он заставил ее стонать от наслаждения и прошептать, когда все было позади:

– Соплячок оказался мужчиной…

Кот встал, поддернул штаны, схватил фотографию Гастона и разорвал ее в клочья.

– Я принесу тебе свою карточку. Вставишь в рамку.

Засмеявшись, женщина произнесла:

– Ох и далеко же ты пойдешь, ох и негодяй же из тебя вырастет… Я научу тебя всему, всему, щеночек мой.

Она заперла дверь. Кот сбросил с себя одежду.

Вот потому он никогда не ночует в пакгаузе и после двенадцати уходит к Далве. Вернувшись утром, вместе с остальными отправляется на промысел.

Безногий подошел поближе, спросил ехидно:

– Ну что, побежишь хвастаться перстеньком?

– А тебе-то что? – ответил, закуривая, Кот. – На тебя, хромого, никто не позарится.

– Нужны они мне больно, твои потаскухи. Я знаю, где найти бабу получше.

Но Кот продолжать перепалку не захотел, и Безногий заковылял через пакгауз дальше.

У стены он остановился, присел, надеясь, что сон сморит его. В половине двенадцатого ушел Кот. Безногий ухмыльнулся ему вдогонку: тот вымылся, пригладил волосы брильянтином и шел враскачку, подражая походочке сутенеров и матросов. Безногий долго стоял у стены, глядя на спящих в пакгаузе детей: их было не меньше пятидесяти. Ни отца, ни матери, ни учителя – ничего на свете у них не было, кроме свободы: бегай по городу сколько влезет, добывай себе еду и одежду как знаешь. Они подносили приезжим чемоданы, крали бумажники, срывали шляпы, иногда просили подаяние, иногда грабили прохожих. Всего их было человек сто: многие ночевали не в пакгаузе, а в подъездах небоскребов, на причалах, под перевернутыми лодками в гавани. Жаловаться было не принято. Случалось, что кто-нибудь умирал от болезни: лечить их было некому. Если в это время в пакгауз заглядывал падре Жозе Педро, или «мать святого» дона Анинья, или капоэйрист Богумил, больной получал лекарство, но ухода за ним не было никакого: не дома ведь. Безногий

задумался обо всем этом и наконец пришел к выводу, что радость свободы не перекрывает тягот и убожества такой жизни.

Послышался шорох, и он обернулся. Негритенок Барандан, стараясь не шуметь, крался к дверям. Безногий сообразил: наверно, украл что-нибудь и хочет спрятать добычу от остальных, чтоб не пришлось делиться. Законы шайки строго карали за это. Безногий, пробираясь между спящими, неслышно двинулся следом. Негритенок уже вышел наружу и огибал пакгауз с левой стороны. Над головой расстилалось усыпанное звездами небо. Барандан прибавил шагу. Безногий понял, что он идет к противоположному крылу пакгауза, туда, где песок мельче, занял удобную позицию и вскоре увидел чей-то силуэт, приближавшийся к Барандану. Безногий узнал его: это был двенадцатилетний Алмиро, пухлый увалень… Безногий попятился, тоска его стала нестерпимой. Каждый ищет ласки, каждый чем может заслоняется от этой жизни: Профессор читает ночи напролет, Кот живет с уличной женщиной и берет у нее деньги, Леденчик весь преображается от молитвы, а Барандан и Алмиро украдкой встречаются ночами. Нет, сегодня ему не заснуть, тоска не даст глаз сомкнуть… А если и уснет, ему привидится тюрьма. Хоть бы пришел кто-нибудь, над кем можно было бы поиздеваться… Хоть бы подраться… Может, пойти сунуть зажженную спичку кому-нибудь между пальцев – пусть подрыгает ногами. Но, заглянув в дверь, он почувствовал только печаль, безумное желание убежать и помчался напрямик, через пески, сам не зная куда, убегая от своей тоски.

Педро Пулю разбудил какой-то шорох. Он спал ничком и, проснувшись, чуть приподнял голову. Мальчишка воровато пробирался в тот угол, где лежал Леденчик. Педро Пуля еще в полусне подумал, что мальчишка хочет забраться к нему в постель, и насторожился: уличенных в таких делах изгоняли из шайки. Но тут сон как рукой сняло: на Леденчика это непохоже. Значит, тот просто-напросто собирается его ограбить. Он не ошибся – мальчишка уже откинул крышку чемодана. Педро Пуля кинулся на него, свалил наземь. Схватка была короткой. Никто, кроме Леденчика, даже не проснулся.

– У своих воруешь?

Мальчишка молчал, прижимая ладонь к разбитому подбородку.

– Утром чтоб тебя тут не было. Нечего тебе тут делать. Это в шайке Эзекиела тырят друг у друга, вот к ним и ступай.

– Я хотел только посмотреть…

– Ага. И потому шарил в чужих вещах?

– Вот провалиться мне на этом месте, я хотел всего лишь медальон посмотреть.

– Что еще за медальон? Не вздумай врать!

Тут вмешался Леденчик:

– Брось, Педро. Может, он и вправду хотел посмотреть ладанку, что подарил мне падре.

– Ей-богу, не думал красть, – опять заговорил мальчишка, дрожа от страха. – Что ж я, не знаю, каково живется тем, кого выгнали «генералы»?! Куда податься? Или к Эзекиелу – так они за решеткой чаще бывают, чем на воле. Или в колонию…

Педро Пуля отошел к спавшему Профессору. Мальчишка сказал Леденчику дрожащим голосом:

– Ладно, расскажу все как есть. Встретил вчера в Сидаде-да-Палья девчонку. Зашел в один магазинчик, хотел пиджак увести. А она увидела, спрашивает, что мне угодно. Ну вот, слово за слово… Сказал, мол, завтра принесу тебе подарок… Она добрая, понял, она говорила со мной по-человечески! – Охваченный внезапной яростью, он сорвался на крик.

Леденчик подержал образок на ладони, посмотрел на него и вдруг протянул мальчишке:

– На. Отдай ей. Только Пуле не говори.

На рассвете в пакгауз вошел Вертун, мулат родом из сертанов, волосы всклокочены, на ногах – альпаргаты, словно он только что вернулся из каатинги, лицо, как всегда, угрюмо. Он перешагнул через спящего Большого Жоана. Сплюнул и растер плевок подошвой. В руке у него была газета. Он оглядел весь пакгауз, словно отыскивая кого-то, заметил наконец Профессора и, бережно

неся газету на широких мозолистых ладонях, направился к нему, принялся будить, хотя было еще очень рано:

– Профессор… Профессор…

– Чего тебе? – замычал тот спросонок.

– Дело есть.

Профессор приподнялся и сел. В темноте едва угадывалось хмурое лицо Вертуна.

– Это ты, Вертушка? Чего тебе надо?

– Ну-ка прочти мне про Лампиана[6 - Лампиан – прозвище знаменитого бандита-кангасейро Виргулино Феррейры да Силва (1898–1938); какое-то время он возглавлял отряды безземельных крестьян и батраков, стихийно выступавших в защиту своих прав. Был убит в стычке с правительственными войсками.], вот я «Диарио» принес. Статейка и портрет.

– Горит у тебя, что ли? Утром прочту.

– Нет, прочти сейчас, а я тебя за это научу свистать кенаром.

Профессор нашарил огарок, зажег его и стал читать. Лампиан ворвался в какой-то городок штата Баия, прикончил восьмерых солдат, изнасиловал девиц, выгреб городскую казну. Хмурое лицо Вертуна мало-помалу прояснилось, плотно сжатые губы разъехались в улыбке. Профессор дочитал до конца, дунул на свечку, а счастливый Вертун пошел в свой угол, чтобы вырезать из газеты фотографию Лампиана и его людей. Весеннее ликование царило в его душе.

На трамвайной остановке

Когда же уйдет полицейский? То посмотрит на небо, то окинет взглядом пустынную в этот час улицу. Вот скрылся за углом последний трамвай. Полицейский достает сигарету: дует ветер, и прикурить ему удается только с

третьей спички. Ветер раскачивает стволы манговых деревьев и сапотизейро, несет зябкую сырость, и полицейский поднимает воротник плаща. Трое мальчишек ждут, когда он уйдет: им надо пересечь мостовую и юркнуть в немощеный переулок; Богумил прийти не смог, просидел весь вечер в таверне, поджидая клиента, а тот так и не явился. А приди он, все было бы легче, он бы не стал упрямиться, потому что многим обязан капоэйристу. Да вот не пришел, видно, наврали или перепутали, а ночью Богумилу надо быть в Итапарике. Днем на пустыре за таверной «Ворота в море» он показывал новые приемы капоэйры. Кот подавал большие надежды: если так пойдет и дальше, он сможет потягаться с самим Богумилом. Педро Пуля тоже все схватывал на лету. Хуже всех дела шли у Большого Жоана, хотя в обычной драке, где он мог пустить в ход свою огромную физическую силу, ему цены не было. Однако и он знал теперь достаточно, чтобы справиться с противником сильнее себя. Утомившись, они зашли в таверну, заказали по стаканчику, а Кот вытащил из кармана колоду карт, засаленных и обтрепанных. Богумил сказал, что сведения – надежные, тот, кого они ждали, придет непременно. Дело сулит большую выгоду, и Богумил предпочитает позвать их – «генералов» – чем каких-нибудь портовых подонков. Они, хоть и мальчишки, заткнут за пояс любого взрослого и к тому же умеют держать язык за зубами. Таверна была почти пуста: только за дальним столиком двое матросов с каботажного парусника пили пиво и тихо переговаривались. Кот бросил колоду на стол и предложил:

– Перекинемся?

– Да они хуже крапленых, – сказал Богумил. – Им лет сто…

– Доставай свои, если есть. Мне все равно.

– Ладно уж, сыграем.

Начали играть. Сначала счастье улыбалось Педро Пуле и Богумилу. Большой Жоан, который не принимал участия в игре – слишком хорошо было ему известно, какая у Кота колода, – только засверкал ослепительными зубами, когда Богумил сказал, что в день Шанго, его святого, ему обязательно повезет. Большой Жоан знал, что везенье его – ненадолго: когда Кот начнет чистить партнера, то уж на полдороге не остановится. Через некоторое время карта пошла Коту. Выиграв в первый раз, он сказал печально:

– Пора, давно пора. А то все мимо да мимо.

Большой Жоан заулыбался еще шире. Кот снова сорвал банк, и тогда Педро Пуля встал, сгреб свой выигрыш. Кот подозрительно взглянул на него:

– Больше не ставишь?

– Пока нет. Пойду облегчусь, – и направился вглубь бара.

Богумил продолжал проигрывать. Большой Жоан хохотал, а капоэйрист хмурился. Вернувшись, Педро Пуля играть не стал, а уселся рядом с Жоаном и тоже засмеялся: Богумил уже успел спустить все, что раньше выиграл.

– Сейчас полезет в загашник, – шепнул Жоан.

– Ну, все, теперь проиграю, – сказал Кот.

Но тут он заметил, что вернулся Педро.

– Неужели не рискнешь? Ставь на даму.

– Да ну, надоело, – ответил тот и подмигнул Коту, прося его угомониться и не потрошить Богумила.

Капоэйрист поставил пять мильрейсов, но выиграть ему удалось лишь дважды. Он заподозрил неладное. Кот открыл карты: король и семерка.

– Чем отвечаешь? – спросил он.

Никто ничем не ответил – даже Богумил, который поглядывал на колоду все с большим недоверием.

– Ты, может, думаешь, я мухлюю? – сказал Кот. – Можешь проверить: чистая игра.

Большой Жоан заржал во всю глотку. Педро Пуля и Богумил тоже засмеялись. Кот метнул на Жоана гневный взгляд:

– Чего гогочешь, дубина? Ты меня поймал хоть раз?..

Он не договорил, потому что морячки?, давно уже наблюдавшие за ними, встали и подошли к их столу. Тот, что был ниже ростом и казался попьяней, обратился к Богумилу:

– А нам нельзя ли с вами?..

– Вот он банкует, – показал тот на Кота.

Матросы недоверчиво воззрились на мальчишку, потом низенький толкнул своего товарища локтем и что-то шепнул ему на ухо. Кот, смеясь в душе, знал, что он шепнул: соглашайся, мол, обчистить такого юнца – плевое дело. Морячки присели к столу, и, к удивлению Богумила, желание принять участие в игре изъявил и Педро Пуля. А Большой Жоан, напротив, не только не удивился, но и сам придвинулся поближе; он знал: для того чтобы все выглядело правдоподобно, проигрывать придется и кому-нибудь из них. В точности так, как это было с Богумилом, к морякам поначалу повалила карта, однако продолжалось это недолго – Кот выиграл у всех четверых. Педро Пуля после каждой взятки приговаривал:

– Вот везет этому Коту, вот везет!..

– Зато если уж не заладится, так тоже на всю ночь, – ответил Большой Жоан, и после этих слов матросы поверили, что игра ведется честная, а счастье переменчиво. И они продолжали играть и проигрывать. Низенький все повторял:

– Ничего, ничего, повезет и нам!

Второй матрос – с усиками – помалкивал и все повышал ставки. Удваивал и Педро Пуля. Через некоторое время матрос повернулся к Коту:

– Банк примет пять мильрейсов?

Кот, изображая нерешительность и раздумье – товарищи его знали, что ни того ни другого не было и в помине, – почесал в затылке, взъерошил волосы, густо напомаженные дешевым брильянтином.

– Ладно. Приму. Дам тебе шанс переломить судьбу.

Усатый поставил пять мильрейсов. Низенький – три. Оба пошли с туза против валета. Педро и Жоан тоже. Кот начал сдавать. Первой выпала девятка. Низенький забарабанил пальцами по столу, второй матрос щипал усики. Потом выпала двойка.

– Теперь – туз. За двойкой всегда идет туз, – и сильнее забарабанил по столу.

Но Кот выбросил семерку, потом десятку, а потом пришел валет. Кот придвинул к себе выигрыш, а Педро Пуля, сделав вид, что огорчен и раздосадован донельзя, сказал:

– Ладно же, завтра я тебя обдеру.

Низенький матрос сообщил, что он – пустой. Усатый пошарил в карманах:

– Вот. Только-только за пиво расплатиться. Мальчишке и вправду везет чертовски.

Они встали, кивнули на прощание, заплатили за пиво. Кот пригласил их заглядывать в таверну в свободную минутку, но низенький ответил, что их судно ночью снимается с якоря, идет в Каравелас. Вот вернутся, тогда придут отыгрываться. И моряки, поддерживая друг друга и кляня невезение, вышли.

Кот подсчитал выигрыш: тридцать восемь мильрейсов, не считая того, что просадили Педро и Жоан. Кот отдал деньги товарищам, потом на минуту задумался, сунул руку в карман, вытащил пять мильрейсов, отдал их Богумилу:

– Держи, игрок… Не хочу на тебе наживаться: я передергивал…

Богумил поцеловал кредитку, хлопнул Кота по спине:

– Далеко пойдешь, парень. У тебя не пальцы, а чистое золото: они принесут тебе счастье.

Солнце садилось, а тот, с кем они условились встретиться, все не приходил. Заказали еще по рюмке. На заходе солнца ветер с моря стал задувать сильней. Богумил явно терял терпение, курил одну сигарету за другой. Педро Пуля не отрываясь смотрел на дверь. Кот раскладывал выигрыш на три равные доли.

– Интересно, выгорело ли у Безногого дело со шляпами? – спросил Большой Жоан.

Никто не ответил. Ясно было: клиент не придет. Кто-то наврал или перепутал. Смолкла песня, долетавшая с моря. Опустела таверна, и сеу Фелипе задремал, сидя у стойки. Но совсем скоро сюда набьется народ, и тогда поговорить о деле не удастся: их гость избегает людных мест, боится, что его узнают. Зачем ему это? Да и «генералам» тоже? Кот не знал, о чем пойдет у них речь, а Педро и Большой Жоан знали только то, что сказал им Богумил: это дело предложили ему, а он посвятил в него «генералов», но все подробности обещал сообщить им сам клиент, назначивший им эту встречу в «Воротах». Но уже шесть часов, а его все нет. Вместо него в ту минуту, когда они уже собрались уходить, пришел посредник. Он сказал, что клиент не смог освободиться и теперь будет ждать Богумила у себя к часу ночи. Богумил ответил, что в это время занят, вместо него на свидание отправятся эти мальчишки. Посредник недоверчиво оглядел всех троих.

– Неужто не слыхали о «Генералах песчаных карьеров»? – спросил Богумил.

– Слыхать-то слыхал…

– Так или иначе, делать дело будут они. Пусть они и сходят…

Посредник вроде бы удовлетворился этим объяснением. Назначили час встречи и разошлись: Богумил отправился на корабль, «генералы» – в пакгауз, а посредник исчез на набережной.

Безногий еще не возвращался. Пакгауз был пуст: должно быть, все разбрелись по городу, промышляли себе на ужин. Трое приятелей не стали их дожидаться, отправились перекусить в дешевой харчевне на рынке. В дверях

развеселившийся от удачной игры Кот хотел свалить Педро подсечкой, но тот ловко увернулся и сшиб нападавшего:

– Дурень, это ж мой коронный прием!

В ресторанчик они ввалились с шумом. Старик-официант подошел к ним с опаской: он знал, что такие посетители предпочитают удрать не заплатив, а этот паренек со шрамом на щеке – самый отпетый из всех. Хотя за каждым столом ужинали, старик сказал:

– Ничего нет. Все кончилось.

– Не заливай, папаша. Мы жрать хотим, – ответил Педро.

Большой Жоан стукнул кулаком по столу:

– Разнесу твой кабак по бревнышку!

Официант продолжал мяться в нерешительности. Тогда Кот швырнул на стол деньги:

– Сегодня мы платим.

Это подействовало. Старик принес им сарапател[7 - Сарапател – блюдо из свиной крови и ливера.], а потом – блюдо с фейжоадой[8 - Фейжоада – блюдо из фасоли и вяленого мяса.]. Расплачивался Кот. Поужинав, Жоан сказал, что им пора идти в Бротас: путь неблизкий, а добираться к тому же придется на своих двоих.

– Да, на «колбасе» сегодня не поедем, – согласился Педро. – Не надо никому глаза мозолить.

Кот сказал, что придет попозже и сам их отыщет; он хотел предупредить Далву, что сегодня не явится.

И вот теперь, затаившись в подворотне, они молча ждут, когда же полицейский сдвинется с места. Слышно, как рассекают воздух крылья летучих мышей – идет

охота на лягушек. Полицейский наконец уходит, и «генералы» провожают его глазами, пока он не заворачивает за угол. Тогда они, перебежав улицу, ныряют в узкий проход между домами и снова замирают, неподвижно распластавшись в дверном проеме. Но вот подъезжает машина, и появляется тот, кого они ждут. Он расплачивается с шофером и шагает вверх по переулку: слышен только звук его шагов да шелест листвы, сотрясаемой ветром. Педро Пуля выходит ему навстречу, а чуть погодя – и двое других, они держатся на полшага сзади, как телохранители. Человек отшатывается к стене. Педро идет прямо на него и, подойдя вплотную, спрашивает:

– Не найдется ли у вас огоньку? – В пальцах у него зажата потухшая сигарета.

Человек молча достает из кармана коробок спичек, протягивает Педро. Педро прикуривает и при свете спички разглядывает его лицо. Потом возвращает коробок.

– Вас зовут Жоэл?

– Зачем тебе знать, как меня зовут?

– Мы от Богумила.

Большой Жоан и Кот подходят поближе. Человек окидывает их тревожным взглядом:

– Что-то маловаты вы для такого дела. Мне взрослые нужны…

– Все будет в лучшем виде. Мы не подведем. Что надо делать? – спросил Педро.

– Да тут не всякий взрослый… – И тут он зажимает себе рот, боясь выболтать лишнее.

– Мы умеем хранить тайну. Могила! Если «Генералы песчаных карьеров» за что-нибудь берутся, значит можете быть спокойны…

– «Генералы»? Так это про вас пишут в газетах? Вы и есть – беспризорные дети?

– Мы самые, сеньор. В нашей шайке мы – главные.

Человек о чем-то раздумывает.

– Я бы, конечно, предпочел иметь дело со взрослыми, – решается он наконец. – Но время не ждет: все надо провернуть сегодня ночью. Ладно…

– Увидите, как мы умеем работать. Будьте покойны.

– Ладно. Идите за мной, только держитесь в нескольких шагах.

Трое послушно двинулись следом. Мужчина останавливается у ворот, отпирает замок, входит. Огромный пес бросается к нему, лижет ему руки. Впустив «генералов», мужчина ведет их через обсаженный деревьями двор к дому. Они входят в комнату, мужчина сбрасывает на стул плащ и шляпу, усаживается. Трое стоят посреди комнаты. «Садитесь», – жестом предлагает хозяин, но Педро и Большой Жоан боязливо поглядывают на широкие удобные сиденья. Только Кот вальяжно устраивается в кресле. После повторного приглашения садятся и двое остальных, Жоан – на самый краешек, точно боясь испачкать обивку. Хозяин смотрит на них, едва удерживаясь от смеха. Потом вдруг порывисто поднимается на ноги и говорит, обращаясь к Педро, в котором признал вожака:

– Дело, которое я вам поручу, – и легкое и сложное. А самое главное – держать язык за зубами.

– Мы не проболтаемся, – отвечает тот.

Хозяин смотрит на карманные часы:

– Четверть второго. Раньше половины третьего он не вернется… – Во взгляде, которым он окидывает мальчишек, все еще сквозит легкая растерянность.

– Времени мало, – говорит Педро Пуля. – Чтобы поспеть, нам надо выйти сейчас.

Хозяин наконец решается:

– Третья улица отсюда. Предпоследний дом справа. Будьте осторожны, на ночь там спускают собаку – и зубастую.

– Нет ли у вас кусочка мяса? – прерывает его Большой Жоан.

– Зачем тебе?

– Не мне, а собаке. Небольшой кусочек.

– Сейчас поищу. – И снова оглядывает троицу, словно спрашивает себя, не зря ли доверился он этим мальчишкам. – Итак, войдете. Рядом с кухней, над гаражом, – комната слуги. Его самого там не должно быть: он ждет хозяина в доме. Вот в эту комнату вы и должны проникнуть. Надо отыскать там вот такой сверток, точно такой. – Он достает из кармана плаща маленький пакетик, перевязанный розовой ленточкой. – Точно такой. Может, его и не окажется в комнате, может, слуга носит его при себе. В этом случае – все. Ничего не попишешь. – На секунду лицо его искажается гримасой отчаяния. – Эх, если бы я сам мог… Да нет, конечно, он в комнате. А если нет?! – И он закрывает лицо руками.

– Можно будет принести пакетик, даже если он у слуги в кармане… – говорит Педро.

– Нет. Самое главное: никто не должен знать о краже. Ваше дело – подменить сверток.

– Ну а если в комнате мы его не найдем?

– Тогда… – Лицо мужчины снова искажается гримасой, Жоану кажется, что губы его шевельнулись, произнесли какое-то имя вроде Элиза. А может, и нет: Жоан иногда слышит и видит то, чего никто больше не видит и не слышит. Негр любит приврать.

– Тогда мы все равно подменим свертки, будьте покойны. Вы не знаете «генералов»!

Как ни велико отчаяние этого человека, бравада Педро смешит его, он улыбается:

– Ну что ж, ступайте. Постарайтесь управиться до двух часов. Возвращайтесь сюда, только смотрите, чтоб никто вас не заметил. Я буду ждать. Тогда и сочтемся. Но вот что я вам хочу сказать: если вас схватят, меня в это дело не впутывайте. Я вам ничем не помогу, мое имя не должно даже упоминаться. Если накроют – уничтожьте сверток, а обо мне забудьте. На карту поставлено все.

– В таком случае, – говорит Педро, – давайте договоримся о цене сейчас. Сколько вы нам даете?

– Сотню. По тридцати на брата и еще десятку сверху – тебе.

Кот ерзает в кресле, но Педро не дает ему произнести ни слова:

– Нет, сеньор. По пятидесяти. Вы и так внакладе не останетесь. Полторы сотни – или мы отказываемся.

Хозяин колебался недолго. Взглянув на циферблат, по которому бежит секундная стрелка, он соглашается:

– Ладно.

Тут вмешивается Кот:

– Вот какое дело, сеньор… Не подумайте, что мы вам не доверяем, но мы ведь можем погореть, а вы сами сказали, что помогать нам не станете…

– Ну и что?

– Так нельзя ли задаточек? Это было бы по совести.

Большой Жоан одобрительно кивает Коту:

– Да, это было бы по совести. Мало ли что может случиться, где мы вас будем искать? – говорит Педро.

– Верно. – Хозяин вытаскивает из бумажника кредитку в сто мильрейсов, протягивает ее Педро.

– Ну а теперь ступайте. Пора.

Уже в дверях Педро сказал:

– Не беспокойтесь. Через час получите ваш пакет.

Перед домом (улица совершенно пустынна, в окошке горит свет и мелькает взад-вперед силуэт женщины) Большой Жоан хлопает себя по лбу:

– Мясо-то я забыл!

Педро глядит на освещенное окно, поворачивается к друзьям:

– Я все понял. Тут любовная история. Наш клиент соблазнил здешнюю девицу, а слуга перехватил письма, которые они писали друг другу. Теперь он хочет поднять шум. От сверточка пахнет духами, значит и от другого должно пахнуть.

Жестом приказав Коту и Жбану ждать на противоположном тротуаре, он подходит к воротам дома. Не успел прикоснуться к створке, как с лаем появился большой пес. Педро привязывает к щеколде шнурок, а пес, рыча, носится из стороны в сторону. Педро зовет друзей.

– Ты, – говорит он Коту, – стой тут, на стреме. Жоан, пойдешь со мной.

Они влезают на решетчатую ограду, Педро тянет за шнурок, и калитка отворяется. Кот отходит за угол. Собака кидается в открытую калитку, выскакивает на улицу, с грохотом катает пустую консервную банку. Педро и Жоан перемахивают через стену, захлопывают калитку, чтобы собака не могла вернуться, и идут к дому через сад. Женщина в окне все ходит взад-вперед.

– Жалко ее, – шепнул Жоан.

– Никто ее не заставлял изменять мужу.

Возле дома негр останавливается: если Кот условным свистом подаст сигнал опасности, он предупредит Педро, который подходит к кухне, огибая дом. Двери на кухню и в комнату прислуги открыты, но, прежде чем подняться, Педро заглядывает на кухню. За столом какой-то мужчина раскладывает пасьянс. «Это, наверно, и есть тот слуга», – соображает Педро и, шагая через четыре ступеньки, взлетает по лестнице. В комнате темно. Педро притворяет за собой дверь, чиркает спичкой. Кровать, чемодан, вешалка на стене. Спичка догорает, но Педро уже роется в простынях. Ничего! Под матрацем тоже пусто. Педро берется за чемодан: приподнимает крышку, зажигает еще одну спичку, которую держал в зубах, осторожно перебирает пожитки слуги. Ничего. Тут он спохватывается, что слуга, может быть, не курит, и, загасив огонек, прячет спичку в карман. В карманах висящей на распялке одежды – пусто. Еще одна спичка. Педро оглядывает комнату.

– Ясное дело, он носит их с собой. Больше им негде быть.

Он выходит из комнаты, спускается по лестнице. Замирает в дверях кухни, где по-прежнему сидит за столом слуга. Только теперь замечает Педро, что под ногами у него – сверток. «Все пропало», – думает Педро. Как вытащить письма? Он идет навстречу Большому Жоану. Напасть на слугу? Начнется свалка, крик, шум, все узнают о пропаже. Нельзя. И тут его осеняет: он свистом подзывает Жоана, и тот появляется рядом.

– Слушай, – приглушенно говорит Педро, – слуга сидит на свертке. Сбегай ко входной двери, нажми звонок, а когда он пойдет открывать, я сверточек уведу. Только как позвонишь – дуй оттуда вовсю, чтоб он тебя не заметил и подумал: почудилось. Только выжди немного, я должен вернуться к кухне.

И он бежит обратно. Через минуту раздается звонок. Слуга торопливо поднимается, застегивает пиджак и, зажигая по дороге свет во всех комнатах, бежит открывать. Педро врывается в кухню, подменяет свертки и, перескочив через забор, свистит Коту и Жоану. Кот тут как тут, а Жоан исчез. Они высматривают его в темноте, но негра нет. Педро начинает тревожиться: может быть, слуге удалось сцапать Жоана и он сейчас вытряхивает из него душу? Но ведь все тихо…

– Еще подождем немножко. Не придет – вернемся в дом.

Они снова посвистывают, но ответа не получают. Педро Пуля принимает решение:

– Пошли в дом.

В эту минуту слышится условный свист, а вскоре перед ними вырастает фигура Жоана.

– Где тебя носило? – спрашивает Педро.

Кот, ухватив собаку за ошейник, вталкивает ее за ворота. Они отвязывают шнурок от щеколды и исчезают в конце улицы. Тут Жоан начинает рассказывать:

– Только я притронулся к звонку, эта сеньора наверху перепугалась. Распахнула окно, перегнулась, я уже подумал: сейчас выкинется. И плачет все время. Ну, мне жалко ее стало, я и влез по трубе, чтоб сказать: не из-за чего больше плакать, письмишки-то мы свистнули. Ну а в двух словах всего не объяснишь, вот и припоздал малость.

С неподдельным любопытством Кот спрашивает:

– Хороша?

– Хорошая. Погладила меня по голове, спасибо, говорит, помоги тебе Бог…

– Что ж ты за дурень, Жоан? Я спрашиваю, хороша ли она для этого дела, какие ножки…

Негр не отвечает. На улицу въезжает машина. Педро Пуля хлопает Жоана по плечу, и негр знает: атаман одобряет его поступок. Лицо его расплывается в довольной улыбке:

– Дорого бы я дал, чтобы увидеть, какая рожа будет у этого португальца, когда его хозяин развернет пакет. А там – фига.

И, уже свернув за угол, все трое начинают хохотать – вольный, громкий, неумолчный смех «генералов» звучит как гимн народа Баии.

Огни карусели

Она называлась «Большая японская карусель», хотя размерами не поражала и ничего японского в ней не было. Карусель как карусель: уныло странствовала из города в город по баиянскому захолустью в те зимние месяцы, когда льют затяжные дожди, а Рождество, кажется, вовсе не наступит. В былые времена ярко выкрасили ее в два цвета – красный и синий, но красный превратился теперь в бледно-розовый, синий – в грязновато-белый, а лошадки лишились кто головы, кто ноги, кто хвоста. Потому дядюшка Франса и решил обосноваться не на одной из центральных площадей Баии, а в Итапажипе: народ там победнее, целые улицы сплошь заселены рабочим людом, детишки рады будут и такой забаве – облупленной и обветшавшей. Брезентовый верх давно прохудился, а теперь зияла там здоровенная дыра, так что в дождь карусель не работала. Канули в прошлое те времена, когда была она красивой, когда гордились ею все ребятишки Масейо, когда на площади было у нее свое постоянное место рядом с «чертовым колесом» и театром теней, когда по воскресеньям приходили мальчики в матросских костюмчиках и девочки, одетые голландскими крестьянками или в платьицах тонкого шелка: те, кто постарше, садились верхом, маленькие вместе с боннами катались в лодочках. Отцы отправлялись на «чертово колесо» или в театр теней, где всегда можно было потискать или ущипнуть зазевавшуюся зрительницу. В те времена увеселительный аттракцион дядюшки Франсы и вправду веселил весь город, и карусель, сияя разноцветными огнями, крутилась без остановки и приносила своему хозяину немалый доход. Жизнь была прекрасна, женщины – неотразимы, мужчины – приветливы, а стоило лишь опрокинуть рюмочку, как женщины делались еще краше, мужчины – еще дружелюбнее. Так вот и пропил он сначала «чертово колесо», а потом и театр теней. Расставаться же со своей любимицей ему не захотелось, и потому однажды ночью он с помощью друзей разобрал карусель и пустился странствовать по городам Алагоаса и Сержипе, а вдогонку за ним полетела отборная брань кредиторов. Немало мест сменил он; вдоволь наездился по дорогам двух сопредельных штатов, побывал во всех городах, выпивал во всех барах и тавернах, прежде чем пересек границу Баии. Тут, в сертанах, в крошечном городишке карусель его послужила для увеселения банды знаменитого Лампиана. Дядюшка Франса завяз в этом городке безнадежно – не было денег на дорогу, и не только на дорогу: нечем было расплатиться за номер в единственной убогой гостинице; не на что было выпить рюмку кашасы или

хотя бы кружку пива. Пиво, кстати, всегда подавали теплое, но он и от такого бы не отказался. Дядюшка Франса ждал субботнего вечера, надеясь поправить дела и перекочевать в какое-нибудь место повеселее, как вдруг в пятницу в городок нагрянул Лампиан с двадцатью двумя бандитами. С этой минуты карусель без дела больше не простаивала. Матерые душегубы – у каждого на совести было по двадцать – тридцать человеческих жизней – обрадовались карусели, как малые дети, и поняли, что нет большего счастья, чем в сиянии огней, под дребезжащие звуки дряхлой пианолы взобраться на спины покалеченных деревянных лошадок. Карусель дядюшки Франсы спасла городок от разграбления, девиц – от бесчестья, а мужчин – от смерти. Что же касается двоих полицейских, что чистили сапоги у входа в караулку и были застрелены наповал, то ведь бандиты сначала увидели их, а потом уже карусель. Быть может, попадись они на глаза Лампиану чуть позже, он пощадил бы и их, чтоб не омрачать счастья своих молодцов. Разбойники, выросшие в глухих деревнях и никогда в жизни не видевшие карусели, предались чистой детской радости и ни за что не хотели слезать с деревянных лошадок, бежавших по кругу под музыку пианолы и мелькание разноцветных огней – синих, желтых, зеленых, малиновых и ярко-алых, алых, как кровь, хлещущая из простреленной груди…

Вот эту историю дядюшка Франса и поведал Вертуну (тот был в восторге) и Безногому в тот вечер, когда, познакомившись с ними в таверне «Ворота в море», спросил, не смогут ли они помогать ему в течение тех нескольких дней, что он намеревается провести в Баии, на Итапажипе. Твердого жалованья он им, конечно, положить не может, но, если дела пойдут хорошо, по пять мильрейсов в вечер они получать будут. Когда же Вертун показал ему, как он изображает разных зверей, дядюшка Франса воодушевился, заказал еще графин пива и принялся распределять обязанности. Вертун будет зазывать публику, Безногий – помогать ему управляться с машиной и следить за пианолой. Он же будет продавать билеты во время остановок карусели, а Вертун – на ходу. «Один сходит пропустить рюмочку, а другой поработает за двоих, – добавил дядюшка, подмигивая, – потом наоборот».

С такой готовностью Вертун и Безногий не хватались еще ни за одну идею. Они, разумеется, много раз видели карусель, но всегда – издали: она была окутана завесой тайны, и катались на ней только маменькины сынки, чистюли и плаксы. Вертуну однажды удалось проникнуть в луна-парк на Пасейо-Публико, он даже купил билет на карусель, но тут сторож выгнал его вон, потому что он был в лохмотьях. Билетер не хотел возвращать ему деньги за билет, и Безногому пришлось запустить обе руки в открытый ящик с мелочью, а потом нестись во весь дух под крики «держи вора!». Поднялась невероятная суматоха, а Безногий

преспокойно спустился по Гамбоа-де-Сима, унося в кармане добычу, по крайней мере впятеро превышавшую стоимость билета. Но предпочел бы он, конечно, прокатиться на волшебном коне с драконьей головой, который из всех чудес карусели казался ему самым первым и главным. С тех пор он еще сильней возненавидел сторожей и еще крепче полюбил недосягаемую карусель. И вот теперь откуда ни возьмись появляется человек, угощает пивом и предлагает несколько дней пробыть совсем рядом с самой настоящей каруселью, кататься сколько влезет, садиться на любую лошадь, разглядеть вблизи вертящиеся разноцветные фонарики. И в глазах Безногого дядюшка Франса был не жалкий пьянчуга за столом таверны, а всемогущее существо, вроде того Господа, которому молился Леденчик, или Шанго[9 - Шанго – верховное божество афробразильского культа.], которого так чтили Большой Жоан и Богумил. Ни падре Жозе Педро, ни «мать святого» дона Анинья не могут совершить такое чудо. Темной баиянской ночью на площади Итапажипе по воле Безногого, по мановению его руки бешено завертятся разноцветные огоньки. Может, это сон? Но как не похож он на то, что обычно снится ему беспросветными ночами!.. Слезы выступили у него на глазах, и впервые в жизни плакал он не от боли, не от ярости и сквозь пелену слез смотрел на дядюшку Франса благоговейно. Скажи тот хоть слово – и Безногий, выхватив нож, который носил за поясом, под старым пиджаком, выпустил бы кишки кому угодно…

– Красота, – произнес Педро Пуля, поглядев на карусель. И Большой Жоан смотрел на нее во все глаза. Синие, зеленые, желтые, красные лампочки были уже подвешены.

Да, конечно, старая и обшарпанная карусель дядюшки Франса все еще красива, и есть своя прелесть в разноцветных фонариках, в старой пианоле, играющей давно забытые вальсы, в деревянных скакунах и утках-лодочках для самых маленьких. «Генералы» единодушно сошлись на том, что карусель – замечательная. И кому какое дело, что она ветхая и часто ломается, что краски ее выцвели? Карусель приносит радость.

Все остолбенели от удивления, когда Безногий, вернувшись вечером в пакгауз, сообщил, что они с Вертуном будут работать на карусели. Многие не поверили, решив, что Безногий, как всегда, издевается над ними. Спросили Вертуна, который, по обыкновению молча, прошел в свой угол и стал изучать украденный в оружейном магазине револьвер. Вертун кивнул, подтверждая, и сказал:

– На ней катался Лампиан. Лампиан – мой крестный.

Безногий пригласил всех завтра же вечером, когда карусель установят и наладят, прийти полюбоваться на нее, после чего ушел: у него была назначена встреча с дядюшкой Франса. И не было среди мальчишек такого, чье сердце не заколотилось бы в эту минуту от зависти. Завидовали счастью Безногого все – даже Леденчик, оклеивший всю стену изображениями святых, даже Большой Жоан, которого Богумил обещал сводить сегодня на кандомбле Прокопио, в Матату, даже Профессор, не представлявший себе жизни без книг, и, быть может, даже Педро Пуля, никогда никому не завидовавший, Педро Пуля – вожак «генералов». Завидовали Безногому, завидовали Вертуну, который, взъерошив свои негустые курчавые волосы, зажмурив один глаз, закусив губу, скроив, как полагается, зверскую рожу, наводил свой револьвер то на соседей, то на шмыгнувшую мимо крысу, то на сиявшее бесчисленными звездами небо.

Вечером следующего дня все во главе с Безногим и Вертуном (они целый день провозились с каруселью, помогая устанавливать ее) отправились на площадь. Увидев это чудо, «генералы» застыли от восторга с открытыми ртами. Безногий давал объяснения. Вертун показал каждому того коня, на котором скакал когда-то его крестный отец Виргулино Феррейра Лампиан. Чуть не сотня мальчишек разглядывала карусель, а ее владелец дядюшка Франса тем временем принимал деятельное участие в бесшабашной попойке, происходившей в таверне.

Безногий с таким видом, словно все это принадлежало ему, демонстрировал устройство мотора (мотор, по правде говоря, был слабосильный и изношенный). Вертун не отходил от лошадки, носившей на спине Лампиана. Безногий строго следил, чтобы никто ничего не смел трогать и никуда не лазил.

– А ты умеешь запускать мотор? – спросил вдруг Профессор.

– Пока нет, – отвечал тот, скрывая досаду. – Завтра дядюшка Франса покажет как и что.

– Ну, тогда завтра, после закрытия, и покатаешь нас всех.

Педро Пуля поддержал его. Остальные напряженно ждали ответа. Безногий согласился, и все захлопали в ладоши, завопили от восторга. В эту минуту Вертун отошел наконец от Лампианова коня:

– Хотите, покажу одну штуку?

Он взобрался на карусель, дернул шнурок пианолы, и полилась мелодия старинного вальса. Сумрачное лицо сертанца осветилось улыбкой. Он поглядывал то на пианолу, то на своих товарищей, которые благоговейно слушали музыку, доносившуюся откуда-то из самого чрева карусели. В эту таинственную баиянскую ночь она звучала только для них – для нищих и отважных «генералов». Никто не проронил ни слова. Проходивший мимо работяга, увидев толпу мальчишек на площади, подошел поближе и тоже застыл – заслушался. На небо выплыла луна, озарила всех своим светом, ярче заблистали звезды, стих рокот моря, словно и Иеманжа хотела насладиться музыкой без помехи. В ту минуту город показался «генералам» огромной каруселью, на которой неслись они, вскочив на невидимых скакунов. В ту минуту Баия принадлежала им безраздельно, и они испытывали друг к другу братскую нежность: музыка сторицей вознаграждала их всех, не знавших ни дома, ни тепла, лишенных ласки. Вертун забыл о Лампиане. Педро Пуля перестал мечтать, как станет он предводителем всех воровских шаек Баии. Безногому не хотелось броситься в море, спасаясь от тяжких снов. Музыка, лившаяся из чрева карусели, – всеми позабытый, старинный и печальный вальс – предназначалась только бездомным мальчишкам Баии – им одним да еще случайному прохожему.

Отовсюду стекаются на площадь люди. Сегодня суббота, на работу завтра не идти, можно подольше побыть на улице. Многие предпочли бы заглянуть в бар, посидеть в таверне, но дети тянут их на скупо освещенную площадь. Ярко горят разноцветные фонарики карусели. Дети глядят на них, хлопают в ладоши. Перед кассой Вертун то рычит, то воет, подражая разным зверям, зазывает публику. По сертанскому обычаю, на груди у него патронташ: дядюшка Франса решил, что это привлечет всеобщее внимание, и выглядит Вертун как самый настоящий кангасейро: на голове – кожаная шляпа, через плечо – патронташ. Он подражает голосам зверей, пока перед ним не собирается толпа мужчин, женщин и детей. Вертун продает билеты, и идут они нарасхват. Веселье охватывает всю площадь, от разноцветных огней карусели радостно становится на душе. Безногий, присев на корточки, помогает дядюшке Франса запустить мотор. Карусель, облепленная детворой, плавно набирает ход, пианола играет старинные вальсы. Вертун продает билеты.

По площади прогуливаются парочки. Матери семейств покупают мороженое и сладкую вату; поэт, спустившись к морю, сочиняет стихи об огнях карусели и о радости детей. Свет разноцветных фонариков освещает площадь, озаряет души.

Все больше людей выплескивается из улиц и переулков. Вертун, одетый кангасейро, подражает крику зверей. Когда карусель останавливается, к нему кидается за билетами целая толпа детей. Если кому-нибудь не хватило места, бедняга, чуть не плача от разочарования, нетерпеливо ждет своей очереди. Бывает, что, прокатившись, дети не хотят слезать, и тогда появляется Безногий:

– А ну-ка вали отсюда! Слазь! Хочешь второй круг – покупай билет!

Только после этого спрыгивают ребятишки с седел старых коней, не знающих усталости. Их место занимают другие, скачка начинается сначала, вертящиеся разноцветные огни сливаются в одно диковинное радужное пятно, пианола продолжает играть свои старинные мелодии. Влюбленные садятся в лодочки, шепчут друг другу нежные слова, а если мотор вдруг начинает барахлить и фонарики гаснут – украдкой целуются. Дядюшка Франса и Безногий склоняются над мотором, колдуют над ним, устраняют неисправность, и карусель, заглушая дружный протестующий вопль, снова приходит в движение. Безногий уже овладел всеми премудростями.

Время от времени дядюшка Франса посылает его сменить Вертуна, чтоб и тот мог прокатиться. Вертун неизменно выбирает себе скакуна, служившего Лампиану, и пришпоривает его на скаку, точно под ним и впрямь настоящий жеребец, и нажимает пальцем на спуск воображаемого револьвера, целясь в скачущих впереди, и видит, как, обливаясь кровью, вылетают они из седел от его метких выстрелов… Конь несется все стремительней, Вертун убивает всех, ибо все вокруг него – солдаты или богачи-фазендейро. Верхом на коне, с винтовкой в руке, он грабит города и деревни, похищает женщин, останавливает поезда.

Потом снова появляется Безногий. Он молчит, им овладевает непонятное волнение. Бледный, хромая сильней обычного, он идет, как верующий – на мессу, как влюбленный – на желанное свидание, как самоубийца – навстречу смерти. Безногий садится на синего коня с намалеванными на крупе звездами, губы его плотно сжаты. Он не слышит музыки: он только видит мелькающие огни. Ему кажется, что он катается на карусели, как все остальные дети, что и у него тоже есть отец с матерью, есть родной дом, что его тоже целуют и любят. Он – такой же, как все, и, чтобы не исчезла эта уверенность, Безногий крепче зажмуривается, и бесследно исчезают жестокие солдаты, смеющийся человек в жилете: Вертун застрелил их на всем скаку. Безногий выпрямляется в седле: он несется над волнами к звездам, и такого чудесного путешествия даже

Профессор не выдумает, не вычитает в книжке. Сердце его колотится так сильно, что он невольно прижимает к груди ладонь.

В эту ночь «генералы» кататься не пришли. Во-первых, слишком поздно остановилась наконец карусель (в два часа ночи она еще крутилась), а во-вторых, у многих, в том числе у Педро Пули, Долдона, Барандана и Профессора, нашлись неотложные дела. Решили идти на следующий день, часа в три-четыре. Педро спросил у Безногого, научился ли тот управлять каруселью.

– А то вдруг поломаешь там чего-нибудь… Жалко будет твоего хозяина.

– Да я эту механику как свои пять пальцев знаю… Запустить – плевое дело.

– Может, там и промыслим чего-нибудь? – спросил Профессор.

– Ясное дело, – ответил Педро. – Но думаю, что всем скопом являться не надо: увидят такую ораву – беды не оберешься.

Кот сказал, чтобы днем его не ждали: он будет занят, и как раз для того, чтобы к ночи освободиться.

– Дня прожить не можешь без своей клячи. Поберег бы здоровье, – поддел его Безногий.

Кот не удостоил его ответом. Большой Жоан тоже отказался: они с Богумилом собрались к доне Анинье на фейжоаду. Наконец договорились, что днем на площадь пойдет несколько человек – «работать», а остальные пусть промышляют где-нибудь еще. К ночи соберутся все и все вместе пойдут кататься на карусели. Безногий предупредил:

– Только надо будет бензину достать.

Профессор, который три раза подряд обыграл Большого Жоана в шашки, пустил шапку по кругу. Набрали денег на два литра.

Но в воскресенье в пакгауз пришел падре Жозе Педро – один из тех немногих, кто знал, где обитают «генералы». Падре уже давно дружил с ними, а началось

все с Долдона. Однажды он после мессы пробрался в ризницу той церкви, где служил падре Жозе Педро. Долдон залез туда больше из любопытства, чем с какой-нибудь определенной целью: он всегда плыл по течению и ни о чем не заботился. В шайке был он вроде прихлебателя: время от времени ему везло, и он срезал у прохожего часы или выносил что-нибудь ценное из квартиры, но услугами перекупщиков не пользовался – отдавал добычу Педро Пуле. Это был его вклад в общий котел. У него было множество приятелей и среди портовых грузчиков, и в бедных кварталах Сидаде-да-Палья, и по всему городу – там перехватит, тут урвет, – он был неприхотлив и никому не в тягость; довольствовался женщинами, которые надоедали Коту, и в совершенстве знал Баию – все ее улицы, закоулки, достопримечательности, знал, где и когда готовится праздник или пирушка и можно будет на дармовщину выпить и потанцевать. Иногда он спохватывался, что давно уже не приносил в шайку денег, неимоверным усилием побарывал свою лень, добывал что-нибудь, продавал и вручал деньги Педро Пуле. Но воровство было ему так же противно, как и всякий другой труд: он любил валяться на песке, глядя на входящие в гавань суда, и мог часами сидеть на корточках в воротах портовых складов, слушать разные побасенки. Ходил он вечно в лохмотьях и добывал себе новую одежду, только когда прежняя уже расползалась в руках. Еще любил бродить по улицам, вымощенным черными плитами, посиживать с сигареткой на скамейке в городских парках, заходить в церкви, любоваться старинными золотыми вещицами.

Вот и в то утро, увидев, что после мессы прихожане разошлись, он бездумно вошел в церковь, оглядел внутреннее убранство, алтарь, статуи святых, посмеялся над святым Бенедиктом, которого скульптор изобразил негром, потом залез в ризницу. Там никого не было, и Долдон сразу заметил какую-то штуковину из золота: должно быть, за нее отвалят немалые деньги. Он уже протянул руку, но тут кто-то дотронулся до его плеча. Это и был вошедший минуту назад падре Жозе Педро.

– Зачем ты сделал это, сын мой? – с улыбкой спросил он и, разжав пальцы Долдона, поставил золотую дарохранительницу на место.

– Вот ей-богу, ваше преподобие, просто посмотреть взял, – не ожидая для себя ничего хорошего, заныл Долдон. – Неужто вы думаете – украсть хотел? Посмотрел и назад хотел поставить… Я из хорошей семьи.

Падре окинул взглядом его лохмотья и засмеялся.

– Отец у меня умер… А пока он жив был, я даже в школу ходил… Честное слово. Стал бы я красть такое… Да еще в церкви. Что я – нехристь какой?

Падре снова рассмеялся, прекрасно зная, что Долдон врет. Уже давно искал он способ завязать знакомство с бездомными детьми, считая заботу о них святой обязанностью. Он побывал и в исправительной колонии для несовершеннолетних, но там ему всячески ставили палки в колеса: он не разделял взглядов директора, что только каждодневным битьем можно наставить заблудшего на путь истинный. Да и в том, что понимать под словом «заблудший», они с директором сильно расходились во мнениях. Наслушавшись о подвигах «генералов», Жозе Педро мечтал разыскать их, войти к ним в доверие и постараться привлечь их сердца к Богу, помочь им исправиться. Поэтому он обошелся с Долдоном как можно лучше, надеясь с его помощью проникнуть в шайку. Все получилось так, как он хотел.

В церковных кругах считалось, что падре Жозе Педро умом не блещет. Среди бесчисленных священнослужителей Баии место его было с самого краю. Перед тем как поступить в семинарию, он пять лет проработал на ткацкой фабрике. Как-то раз фабрику эту посетил епископ. В разговоре с хозяином он посетовал, что все меньше становится тех, кто почувствовал бы в себе призвание к священнической деятельности. Хозяин, демонстрируя широту натуры, сказал, что готов заплатить за обучение в семинарии, буде найдутся желающие стать священником. Жозе Педро, стоявший возле своего станка и слышавший весь этот разговор, подошел поближе и сказал, что хочет учиться в семинарии. И хозяин, и епископ были весьма удивлены его словами: Жозе Педро был уже далеко не юн и к тому же не получил никакого образования. Однако в присутствии епископа фабриканту неловко было идти на попятный. Так Жозе Педро поступил в семинарию. Учение давалось ему с большим трудом, ученики-малолетки постоянно издевались над ним. Способности у него были весьма средние, он брал усердием и усидчивостью и, кроме того, по-настоящему, искренне и истинно веровал в Бога. Царившие в семинарии нравы были ему не по вкусу, товарищи попросту травили его, постичь тайны теологии, философии и латыни он так и не сумел. Но зато Жозе Педро был наделен добрым сердцем. Он мечтал о том, как будет наставлять в вере детей, обращать язычников-индейцев. Жилось ему тяжко, особенно после того, как по прошествии двух лет фабрикант перестал платить за него, и пришлось одновременно учиться и исполнять обязанности педеля. Тем не менее он прошел полный курс обучения и, ожидая, когда ему дадут собственный приход, стал священником в одной из столичных церквей. Однако заветной его мечтой оставалось обращение

беспризорных детей-сирот, которые предавались всем возможным порокам и зарабатывали себе на жизнь воровством. Падре Жозе Педро хотел открыть свету истинной веры их души. Именно с этой целью начал он посещать исправительную колонию. Первое время директор ее был сама любезность, но, когда падре стал возражать против того, чтобы детей секли и по нескольку дней кряду морили голодом, отношение к нему резко переменилось. К тому же он был вынужден написать обо всем, что видел, письмо в газету, и директор, запретив пускать его на порог, послал жалобу архиепископу. Из-за всех этих неприятностей ему и не спешили давать приход. Желание разыскать «генералов» в нем не угасло. Беспризорные, сбившиеся с пути дети, до которых никому в целом свете не было дела, оставались его первейшей заботой. Он хотел сблизиться с ними не только для того, чтобы вернуть их в лоно церкви, – падре Жозе Педро мечтал хоть как-нибудь облегчить их положение. Священник не имел на них почти никакого влияния – да не «почти», а совсем никакого – и поначалу не представлял себе, как завоевать их доверие. Зато он прекрасно знал, что они часто голодают, что помощи и сочувствия им ждать неоткуда, что они живут, не зная ласки, и жизнь эта полна лишений и тягот. У падре ничего не было для них – ни одежды, чтобы согреть, ни еды, чтобы накормить, ни кроватей, чтоб уложить их спать по-людски, – ничего, кроме ласковых слов и огромной любви, переполнявшей его душу. Он все же допустил одну ошибку, когда предложил им сменить бесприютность и свободу на кров и пищу. Нет, конечно, речь шла не о колонии – слишком хорошо были ему известны и правила ее внутреннего распорядка, и неписаные законы, царившие в ее стенах, чтобы хоть на минуту мог он поверить, что исправительное заведение превратит отпетых сорванцов в добрых и трудолюбивых людей. Падре решил действовать через богобоязненных старых дев: они, по его мнению, могли бы взять кое-кого из «генералов» на воспитание или хотя бы кормить их досыта. Но мальчишкам в этом случае пришлось бы расстаться с единственной прелестью их беспутной жизни – с вольной чередой приключений на улицах самого таинственного и прекрасного города на свете, с Баией, с Бухтой Всех Святых. И падре, едва успев с помощью Долдона войти к «генералам» в доверие, тотчас понял, что лучше об этом даже не заговаривать: мальчишки разбегутся из пакгауза, и он их больше никогда не увидит. А кроме того, старые святоши, целыми днями торчавшие в церкви, а между мессой и литанией без устали перемывавшие косточки своим ближним, совсем не подходили для той роли, которую он им отводил. Падре вспомнил, как были они обескуражены и раздосадованы, когда после его первой проповеди несколько престарелых богомолок устремились за ним в ризницу, чтобы помочь ему снять облачение, как они ахали и придыхали над ним: «Ваше преподобие, какой вы хорошенький, в точности архангел Гавриил», – а одна тощая старая дева, молитвенно сложив руки, благоговейно шептала:

«Иисусик», – и как возмутило его это обожание, хоть он и знал, что все это – в порядке вещей, и многие священники, даже не думая возмущаться, принимают в дар от своей паствы и цыплят, и индюшек, и вышитые платочки, и старинные золотые часы – семейную реликвию, переходившую из поколения в поколение. Но у падре Жозе Педро были иные взгляды на миссию священнослужителя, и потому в полном сознании своей правоты он гневно набросился на своих прихожанок:

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Комендадор – лицо, награжденное орденом; в Бразилии звание комендадора зачастую присваивалось или покупалось помещиками.

2

Кабокло – метис от брака индианки и белого.

3

Мать святого – старшая жрица на кандомбле.

4

Террейро – место проведения церемоний афробразильского культа – кандомбле.

5

Иа – одно из верховных божеств афробразильского культа.

6

Лампиан – прозвище знаменитого бандита-кангасейро Виргулино Феррейры да Силва (1898–1938); какое-то время он возглавлял отряды безземельных крестьян и батраков, стихийно выступавших в защиту своих прав. Был убит в стычке с правительственными войсками.

7

Сарапател – блюдо из свиной крови и ливера.

8

Фейжоада – блюдо из фасоли и вяленого мяса.

9

Шанго – верховное божество афробразильского культа.

Купить: https://tellnovel.com/amadu_zhorzhi/generaly-peschanyh-kar-erov

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити